

этого ассирійскаго преданія, почему, не могло ей придти этого на мысль въ минуту страшной опасности для дитяти? А мнѣ о вавилонскомъ Новъ-Кисутрѣ, записанный почти одновременно съ происхожденіемъ книги Бытія, только доказываетъ свѣжестъ общечеловѣческаго преданія въ то время у ассирянъ, но ни мало не можетъ служить доказательствомъ, будто Моисей заимствовалъ этотъ рассказъ у ассирянъ. Не буду пускаться въ другія подробности, которыя приводятся вѣмцами въ опроверженіе подлинности нашей святой Библии, я хотѣлъ только привести примѣры того, какъ легко опровергаются всѣ ихъ измышленія, распространяемые и нашими домашними врагами Церкви и христіанства. Я уже не разъ предупреждалъ нашихъ патріотовъ быть осторожнѣе въ вопросахъ, такъ или иначе касающихся Священнаго Писанія. И теперь скажу: подумайте только: если ветхозавѣтныя книги Библии суть не больше, какъ выдумка евреевъ, поддѣлка исторіи и т. д., то что станется съ самымъ христіанствомъ, которое мнятся защищать отъ іудеевъ неразумные ревнителы якобы исторической правды, довѣряющіеся изслѣдованіямъ Дейличей, Чамберленовъ, Эберсовъ и имъ подобныхъ «ученыхъ» безбожниковъ? И не вдохновляютъ ли всѣхъ этихъ ученыхъ все тѣ же іудей въ союзѣ съ масонами, поставившіе себѣ задачу уничтожить христіанство на землѣ и подготовить царство антихриста? Не спорю: эти ученые могутъ дѣлать такое злое дѣло и безсознательно, во имя якобы науки, но намъ-то, вѣрующимъ, довѣряться такой лженаукѣ, разъ она идетъ противъ Христа и Священнаго Писанія, ужъ просто непростительно. Мы должны знать, что это—прямой подкопъ подъ Церковь, подъ христіанство...

Архіепископъ Никонъ.

ВНИМАЙТЕ СЕБѢ И СВОЕМУ СТАДУ.

Современная страшная міровая война вскрыла, наконецъ, передъ лицомъ всего міра ту тяжкую болѣзнь, которая давно началась и проявленія которой въ христіанскомъ мірѣ неоднократно уже обращали взоры вдумчивыхъ людей...

Несомнѣнно, всегда среди людей шла борьба между добромъ и зломъ, между высшими велѣніями правды Божіей и влеченіями испорченной природы человѣческой, между небомъ и землей. Христіанство внесло въ міръ высія, Божественныя начала истины, добра и красоты и тѣмъ обратило взоръ человѣка къ небесному, неземному,—къ тому міру стремленій и надеждъ для всякаго разумнаго свободнаго существа, въ которомъ все духовное существо человѣка должно и можетъ найти для себя удовлетвореніе и изъ котораго человѣкъ долженъ и можетъ почерпнуть для своей земной жизни соответствующія цѣли его земнаго существованія указанія. Но христіанство оставило человѣка свободнымъ, не уничтожило въ немъ склонности ко всему тому, что имѣетъ своимъ источникомъ вошедшій въ міръ человѣческой грѣхъ. Вслѣдствіе этого борьба между началами христіанства и влеченіями грѣховной природы людской шла и идетъ непрерывно. Временами явно торжествуютъ первыя и ими тогда руководится вся жизнь, вся дѣятельность людей; временами, напротивъ, утверждается господство *міра*, естественнаго, самовольнаго и гордаго человѣческаго ума; жизнь въ это время носить яркій отпечатокъ какой-то особенной привязанности ко всему земному, ко всему внѣшнему; о внутреннемъ человѣкѣ, о его нуждахъ, о его стремленіяхъ ко всему идеальному въ это время всего менѣе говорятъ и думаютъ.

I.

Борьба противъ христіанства во имя якобы свободы человѣческаго духа въ по-

слѣднее время приняла особенно ожесточенный характеръ. По мѣрѣ увеличенія торжества челоѳческаго ума надъ стихіями, надъ виѳшней природой въ видѣ различныхъ изобрѣтеній и открытій эта борьба все болѣе и болѣе разгоралась и ожесточалась, все чаще и чаще по мѣстамъ стала выражаться въ открытомъ гоненіи на все христіанское, на все Божественное. Послѣдняя четверть XIX и начало XX в. ознаменовались и полны проявленіями открыто выражавшейся во многихъ мѣстахъ ненависти ко всему, что могло содержать и содержало въ извѣстныхъ границахъ страсти людскія. Во Франціи, въ Германіи, даже въ Англіи явно шла борьба съ христіанствомъ, и древне-языческія начала видимо для всѣхъ торжествовали; общественная жизнь, наука, искусство,—все удалялось отъ началъ Христовой вѣры и нравственности; понятіе о грѣхѣ, объ отвѣтственности предъ Господомъ Богомъ исчезало изъ жизни; мало того,—нарочито все дѣлалось для того, чтобы давать пищу низменнымъ страстямъ людскимъ, воспитывать ихъ; особенно рѣзко такое направленіе сказывалось въ литературѣ и вообще письменности и искусствѣ. Такъ называемое образованное общество, по имени оставшееся христіанскимъ, имѣвшее храмы, въ дѣйствительности превратилось въ совершенно языческое. Самыя лучшія, наиболѣе по существу своему цѣнныя для наилучшаго устройства челоѳческаго благополучія и вообще жизни изобрѣтенія и открытія, какъ напримѣръ въ области электричества, за весьма рѣдкими исключеніями, обращены на развращеніе людей. Самый высокій даръ Божій челоѳку—слово, устное и печатное, стало служить тому же дѣлу развращенія и воспитанія людей въ духѣ преклоненія предъ тѣлесными страстями.

Но особенно рѣзко отразилось такое вліяніе духа времени у насъ, на Руси. Слѣдуя за Западомъ, но не имѣя выдержки послѣдняго, наши переводные люди до-

вели ученія и направленія въ искусствѣ и литературѣ, господствующія на Западѣ, до самыхъ послѣднихъ границъ не только благоразумія, но и приличія. Съ какимыто особеннымъ увлеченіемъ смакуя самыя грязныя явленія жизни, наши новѣйшіе писатели и художники разнесли эту грязь во всѣ почти уголки нашей жизни. Особенно много пострадало наше юношество. Никѣмъ и ничѣмъ не сдерживаемые,—эти писатели и художники (конечно, зла, а не добра) постарались высмѣять, опошлить, въ грязь втоптать самыя цѣнныя понятія, все то, чѣмъ жилось и долженъ жить челоѳкъ, чѣмъ всегда украшалась и должна украшаться юность. Любовь къ отечеству, къ своему народу, чистота нравственная, идеальныя стремленія,—не говоримъ уже о любви къ Богу, ближнему, къ церкви, къ Государю,—все унижено, все осмѣяно, и надъ всѣмъ поставлено—самое широкое, ничѣмъ несдерживаемое служеніе плоти и всему, что такъ или иначе способно угождать ей. Какъ далеко у насъ зашло это дѣло развращенія народа, каждый легко можетъ видѣть изъ того, что было въ дни нашей смуты—въ Государственной Думѣ; въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ крестьянскихъ движеніяхъ; все это можно, впрочемъ, видѣть и теперь тамъ же, гдѣ особенно рѣзко проявилось оно въ дни смуты. Картины нашей современности покроются еще болѣе темными тѣнями, если мы безпристрастно посмотримъ на жизнь семейную, частную, каждого въ отдѣльности челоѳка. Всѣ мы считаемся чадами Церкви Божіей. Но помнимъ-ли Бога? Помнимъ-ли и сознаемъ-ли, что есть грѣхъ? Соблюдаемъ ли установленія Церкви, исполняемъ-ли обязанности свои христіанскія? Дѣйствительность намъ говоритъ, что не только такъ называемые образованные люди, но (о ужасъ) и крестьянство въ значительной уже степени не исполняетъ такого своего долга, какъ бытіе у исповѣди и святаго причастія. А о явленіяхъ вѣщрачной жизни и говорить нечего—такъ они обычны.

Мы должны смотрѣть опасности и бѣды прямо въ глаза. И нельзя молчать, когда видимъ не только уже распатываніе устоевъ нашей жизни, но и начавшееся паденіе ихъ. Вслушайтесь (какъ говорятъ *sine ira et studio*) въ проповѣди такихъ учителей какъ Л. Толстой, Ницше; вчитайтесь въ такія произведенія, какъ Андреева, Арцыбашева, Вербицкой и др.; остановитесь вниманіемъ на такихъ рѣчахъ публичныхъ, какъ рѣчи Милюковыхъ, Чхеидзе и всѣхъ ихъ единомышленниковъ; вчитайтесь въ разнообразныя передовыя и наши статьи и сообщенія нашей передовой, прогрессивной прессы. И вы увидите, какъ охватила васъ со всѣхъ сторонъ ненависть ко всему русскому, православному, ко всему, что тысячелѣтіями выработывалось, что выстрадано народомъ и что всегда служило единственно крѣпкой основой жизни нашего народа, его развитія, его благоденствія. Вотъ теперь грянулъ страшный громъ, казалось бы всѣ и вся. и все должно быть сосредоточено на одномъ: отдать умъ, волю, слово, имущество на служеніе отечеству. А въ дѣйствительности то что? Великое словозверженіе, ходатайства за преступниковъ, ехидная критика дѣйствій правительства, явные и тайныя усилія свои вождельніа осуществить и тому подобное; вотъ чѣмъ заняты люди, которые призваны волею Государа къ служенію Ему и отечеству. Что это, какъ не показаніе полнаго отступничества отъ своего родного, вѣкового. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что наши прогрессисты, гдѣ бы они ни были,—еще боятся все-то сказать и тѣмъ болѣе сдѣлать. А дайте имъ свободу,—что выйдесть?

Тяжело объ этомъ думать и говорить, но нужно. Долгъ передъ церковію, народомъ заставляетъ говорить. На почвѣ такой нашей прогрессивности и съ несомнѣннымъ пособіемъ и подталкиваніемъ со стороны нѣмцевъ создалась наша печальной памяти революція. Ставши подъ знамена еврейства и нѣмцевъ, наши революціонеры и всѣ ихъ тайные и явные приспѣшники

заранѣе торжествовали побѣду надъ правительствомъ. Приложивши не мало усилій къ тому, чтобы японская война кончилась для Россіи позоромъ, они смѣло шли на уничтоженіе *старого режима* и были увѣрены, что наступило ихъ время. Но въ своихъ разчетахъ ошиблись. Возбужденный и обманутый народъ по мѣстамъ пошелъ было за освободителями, вѣрными и порабителами. Но потомъ остановился, разгадавши, кто во главѣ этихъ освободителей идетъ и для чего быть затѣваетъ,—остановился и остановилъ разливъ революціи. Ошеломленные неудачей,—всѣ наши лѣвые и отчасти и тѣ, что въ *центрѣ*, стали доискиваться, гдѣ причина неудачи ихъ кроваваго освободительнаго движенія противъ русскаго народа. Причину не трудно было найти. Оказалось, что народъ пошелъ съ своими духовными пастырями, оставшимися, за единичными исключениями, вѣрными и Церкви, и Отечеству, и Царю. Совершилось то, что нѣкогда было въ Польшѣ во время ея борьбы съ православіемъ въ Малороссіи: іезуиты думали, склонивши на свою сторону русскіхъ пановъ, что съ *быдломъ—народомъ* имъ легко будетъ управиться. Они жестоко ошиблись. Не менѣе жестоко ошиблись и наши освободители, которые, вытравивши все живое, русское изъ умовъ и сердець значительной части нашей интеллигенціи и соблазнивши рабочихъ грабительскими перспективами и наконецъ запугавши власть,—тоже думали легко взять на свой поводъ мужиковъ. Но этого не случилось. И вотъ съ того времени особенно усердно, настойчиво и, нужно сказать, планомѣрно работали они противъ главнаго своего врага—Церкви и православнаго духовенства. Правда, эта работа началась давно; но такой настойчивости и планомѣрности, какую ей придали освободители послѣ японской войны, и смуты она не имѣла. Теперь все пущено въ ходъ для того, чтобы вырвать изъ рукъ Церкви и духовенства руководство духовной жизнью народа, унизить

авторитетъ православнаго духовенства въ глазахъ народа, и вмѣсто этого авторитета поставить иной.

II.

Что особенно печально въ этой борьбѣ,—такъ это полнѣйшее опошленіе, загрязненіе и сведеніе съ высотъ идеальнаго, всего дѣйствительно чистаго и для всѣхъ привлекательнаго. Превративши науку, высшія учебныя заведенія въ орудіе для достиженія своихъ революціонныхъ цѣлей, наши освободители, принявши на себя личину просвѣтителей, приложили и прилагаютъ всѣ усилія, чтобы и низшую народную школу сдѣлать таковымъ же орудіемъ. Кому не дорого дѣло народнаго образованія и вообще просвѣщенія? Кто не знаетъ, что положеніе, и матеріальное и общественное, учителя народной школы нуждается въ самыхъ серьезныхъ улучшеніяхъ? И, конечно, всѣ честные люди, такъ или иначе прикосновенные къ дѣлу народнаго просвѣщенія, не только непрестанно думаютъ объ этомъ дѣлѣ, но и прилагаютъ всѣ средства къ усилію, всестороннему улучшенію его. Особенно много въ этомъ отношеніи (опять-таки *sine ira et studio*) сдѣлало и дѣлаетъ православное духовенство. И что же? Вокругъ столь важнаго, высокаго, привлекательнаго, дорогаго для всѣхъ дѣла столько собрано грязи, злобы, неправды, что самое то дѣло народнаго просвѣщенія сильно тормозится, все болѣе и болѣе извращается и превращается окончательно въ орудіе политической пропаганды, а та или иная организация его уже служить только флагомъ или особенной прогрессивности, или ретроградности. Всмотритесь безпристрастно въ современное положеніе этого дѣла. Министерство народнаго образованія и земство, обладая всѣми средствами общегосударственными, общенародными, усиленно нынѣ учреждаютъ народныя училища, затрачивая на нихъ огромныя суммы. Строятся прямо-таки дворцы для сельскихъ учи-

лищъ, обезпечиваются эти училища въ изобиліи всѣмъ необходимымъ. Что же? Это очень хорошо, хотя и можно было бы обращаться съ народными деньгами по-экономнѣе. Но вотъ рядомъ съ этими училищами стоятъ церковныя школы, ни программами, ни учительскимъ персоналомъ нисколько не отличающіяся отъ земскихъ и министерскихъ училищъ. Разница между тѣми и другими, и разница особенно важная, заключается только въ томъ, что въ то время какъ министерскія и земскія училища создаются на средства народа безъ всякаго участія послѣдняго, средства берутся съ него, такъ сказать, принудительно, церковныя школы всѣ возникли и возникаютъ почти исключительно при самомъ дѣятельномъ участіи народа, средства на нихъ даются самимъ населеніемъ, даются вполне сознательно. Земство, увлекаясь нерѣдко до крайности мнимою прогрессивностію, сдаетъ все болѣе и болѣе дѣло народнаго образованія такъ называемому третьему сословію, — иначе сказать лицамъ, ничего въ существѣ своемъ не имѣющимъ земскаго. Да и само по себѣ земство, олицетворяемое управами и даже всѣми земскими собраніями, не представляетъ изъ себя ни сословія, ни, что къ сожалѣнію часто бываетъ, отдѣльной какой-либо общественной группы. Между тѣмъ въ церковно-школьномъ дѣлѣ—духовенство и какъ сословіе, и какъ общественная группа и, наконецъ, какъ отдѣльныя лица является въ разсматриваемомъ дѣлѣ особенно дѣятельнымъ. Казалось бы, эти два, несомнѣнно самыя цѣнныя качества дѣятельности, особенно, если принять во вниманіе, что духовенство, забывъ школами, несетъ много безвозмезднаго труда и тѣмъ освобождаетъ и государство и земство отъ многихъ расходовъ,—должны бы привлекать къ себѣ со стороны родителей народнаго образованія благожелательное вниманіе. Но на дѣлѣ-то оказывается совсѣмъ другое. Въ большинствѣ случаевъ и само духовенство и самыя школы

подвергаются какой-то особенно злой и как бы мстительной травлѣ; великому дѣлу церковно-школьному ставятся разнообразныя, нерѣдко непреодолимыя препятствія. Самая простая и для всѣхъ доступная и понятная справедливость, напримѣръ, говорить, что изъ тѣхъ огромныхъ суммъ, которыя тратятся земствомъ на содержаніе училищъ, слѣдуетъ соответствующую часть удѣлять и на содержаніе церковныхъ школъ: вѣдь—средства собираются со всего населенія, вѣдь—школы-то обслуживаютъ ту же нужду народную. А дѣйствительность говорить намъ, что не только этихъ средствъ не дается, но и то, что иногда съ превеликимъ трудомъ самимъ духовенствомъ изыскивается,—стараясь такъ или иначе свести на нѣтъ. Но почему? Почему ревнители просвѣщенія мѣшаютъ (это въ лучшемъ случаѣ) просвѣщенію? Отвѣтъ одинъ: духовенство школу свою держитъ далеко отъ политики, оберегаетъ ее отъ всего, что разстраиваетъ учебно-воспитательное дѣло, ведетъ это дѣло подъ руководствомъ Церкви, — этой хранительницы вѣчной истины; духовенство школою, въ его вѣдѣніи находящуюся, укрѣпляетъ свой авторитетъ. За это оно прозывается ретрограднымъ, за это его дѣло является въ глазахъ освободителей—служеніемъ какому-то на Руси невиданному и неслыханному клерикализму. А если кто-нибудь изъ духовенства въ непрестанной борьбѣ за существованіе церковной школы ослабѣетъ или не сумѣетъ надлежаще дѣло свое поставить—льются цѣлыя рѣки грязи, да не на одного его, этого неудачника, а на духовенство и на все дѣло. Доходитъ нерѣдко до того, что эту злобу и ненависть (иначе мы не можемъ назвать) *прогрессисты* всемирно стараются ввести въ массы народныя, вооружить ихъ противъ и духовенства и школы. Въ настоящее время эта послѣдняя цѣль очень легко достигается: земскія и иныя училища обезпечены въ изобилии всѣмъ и отъ населенія ничего не требуется; церковныя школы, наоборотъ, поставлены въ совер-

шенно иныя условія: для постройки школьнаго зданія—духовенству нужно изыскать половину стоимости на мѣстѣ, ремонтъ школьнаго зданія, содержаніе его, обслуживаніе его отопленіемъ, освѣщеніемъ, сто рожемъ, учебниками и учебными пособиями, все на мѣстныя средства. Какъ видите разница въ положеніи тѣхъ и другихъ школъ громадная. И въ настоящее время естественно возникаетъ вопросъ—не ухудшились ли условія существованія и возникновенія церковныхъ школъ послѣ того, какъ прошелъ законъ о жалованьѣ учителямъ изъ казны и о пособияхъ изъ той же казны въ половинномъ размѣрѣ на постройку школьныхъ зданій. Законъ искусно составленъ: дается жалованье всѣмъ правоспособнымъ учителямъ начальныхъ школъ, безъ различія службы ихъ въ земствѣ ли или въ духовномъ вѣдомствѣ; но при этомъ забывается, что городскія управления и земства, располагая громадными средствами независимо отъ казны, могутъ сверхъ казеннаго жалованья учреждать такъ называемыя прибавки; законъ говоритъ—стройте школьныя зданія, казна дастъ половину средствъ,—но при этомъ совершенно забыто (конечно, вполне сознательно), что городскія и земскія учрежденія имѣютъ полную возможность другую-то половину расходовъ взять изъ общеземскихъ и общегородскихъ средствъ,—а гдѣ взять эту половину для церковныхъ школъ? Вотъ и создано положеніе для этихъ послѣднихъ школъ почти безвыходное. Не имѣя средствъ, духовенство только при исключительномъ усердіи и напряженіи своего вліянія на народъ имѣетъ возможность строить новыя школьныя зданія, ремонтировать и содержать существующія уже школы, снабжать ихъ учебными принадлежностями. Ясно, какъ народъ, который вноситъ все необходимое на удовлетвореніе своихъ потребностей въ просвѣщеніе—въ казну, земскія и городскія кассы, можетъ относиться къ призывамъ духовенства внести и вносить довольно значительныя суммы на постройку и содержаніе

церковной школы. Къ такой же цѣли вели и ведутъ такъ называемыя школьныя сѣти. Извѣстно, сколько нужно было положить труда, перенести неприятностей, чтобы существующія уже церковныя школы ввести въ сѣть будущихъ школъ. Опять-таки извѣстно, что не мало церковныхъ дѣятели и умѣющаго давать надлежащую оцѣнку разнымъ придумываемымъ для отвода глазъ теоретическимъ оправданіямъ и нобужденіямъ, дѣйствительная причина разсматриваемаго явленія ясна и понятна.

Причина, повторяемъ, понятна. Школа одно изъ самыхъ могучихъ и дѣйствительныхъ средствъ для вліянія на міровоззрѣніе населенія. При ея помощи устанавливался и устанавливается тотъ нравственный авторитетъ, который опредѣляетъ то или другое значеніе данной общественной силы, личности или учрежденія. Съ уходомъ школьнаго обученія и воспитанія подрастающихъ поколѣній въ народѣ изподъ вліянія православнаго духовенства—естественно долженъ пасть въ значительной степени и авторитетъ духовенства. И мы видимъ, какъ это въ дѣйствительности быстро осуществляется. Особенно это замѣтно тамъ, гдѣ церковныхъ школъ мало. Сначала наряду съ авторитетомъ священника въ селѣ становится авторитетъ сельскаго учителя, а потомъ этотъ послѣдній беретъ рѣшительный перевѣсъ. У священника для вліянія на населеніе остается только одинъ храмъ, а при недостаточной внимательности къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ священникъ нерѣдко совершенно ослабляетъ значеніе и храма и всего того, въ чемъ выражается все пастырство. Враги Церкви и духовенства отлично все это учитываютъ. И потому-то такъ часто мы видимъ въ жизни нашей разительное противорѣчіе между тѣмъ, что выставляется, какъ знамя извѣстной дѣятельности, и дѣйствительностью. «Народное просвѣщеніе», «борьба съ народнымъ невѣжествомъ и тьмою»—вотъ показные лозунги, и тутъ же непосредственно—всемирное, открытое

каждый лишній участникъ въ этомъ дѣлѣ долженъ бы разсматриваться какъ особенно цѣнный сотрудникъ. На дѣлѣ же выходитъ обратное. И для безпристрастнаго наблюдателя, всматривающагося въ современныя явленія мысли и общественной дѣятельности и умѣющаго давать надлежащую оцѣнку разнымъ придумываемымъ для отвода глазъ теоретическимъ оправданіямъ и нобужденіямъ, дѣйствительная причина разсматриваемаго явленія ясна и понятна.

Причина, повторяемъ, понятна. Школа одно изъ самыхъ могучихъ и дѣйствительныхъ средствъ для вліянія на міровоззрѣніе населенія. При ея помощи устанавливался и устанавливается тотъ нравственный авторитетъ, который опредѣляетъ то или другое значеніе данной общественной силы, личности или учрежденія. Съ уходомъ школьнаго обученія и воспитанія подрастающихъ поколѣній въ народѣ изподъ вліянія православнаго духовенства—естественно долженъ пасть въ значительной степени и авторитетъ духовенства. И мы видимъ, какъ это въ дѣйствительности быстро осуществляется. Особенно это замѣтно тамъ, гдѣ церковныхъ школъ мало. Сначала наряду съ авторитетомъ священника въ селѣ становится авторитетъ сельскаго учителя, а потомъ этотъ послѣдній беретъ рѣшительный перевѣсъ. У священника для вліянія на населеніе остается только одинъ храмъ, а при недостаточной внимательности къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ священникъ нерѣдко совершенно ослабляетъ значеніе и храма и всего того, въ чемъ выражается все пастырство. Враги Церкви и духовенства отлично все это учитываютъ. И потому-то такъ часто мы видимъ въ жизни нашей разительное противорѣчіе между тѣмъ, что выставляется, какъ знамя извѣстной дѣятельности, и дѣйствительностью. «Народное просвѣщеніе», «борьба съ народнымъ невѣжествомъ и тьмою»—вотъ показные лозунги, и тутъ же непосредственно—всемирное, открытое

или искусно прикровенное утѣсненіе существующихъ школъ,—но конечно школъ, не отвѣчающихъ дѣйствительнымъ намѣреніямъ ревнителей народнаго образованія. Къ сожалѣнію,—мы должны сказать это, многіе изъ пастырей Церкви не обратили надлежащаго вниманія на то, какъ важны для ихъ пастырской дѣятельности и положенія въ средѣ пасомыхъ школы, отъ нихъ, пастырей, зависямыя и ими руководимыя,—и теперь *служать* въ народныхъ школахъ такими же рядовыми, оплачиваемыми въ своемъ трудѣ работниками, какъ и многіе-многіе другіе, къ жизни народной, къ душѣ народной имѣющие и мало отношенія и столько же интереса, но мало этого,—служать подъ руководствомъ завѣдующаго училищемъ и его глазами обязаны въ иныхъ отношеніяхъ смотрѣть на школьное дѣло,—а при слабости—вынуждаются и совсѣмъ отстраниться отъ всякаго вліянія на школьную жизнь.

Епископъ Макарій.

Защита ученія о непорочномъ зачатіи у современнаго католическаго богослова.

Въ числѣ «оспариваемыхъ пунктовъ католическаго ученія» г. Забужный, разбору труда котораго «Въ защиту вѣры» мы уже посвятили нѣсколько статей, упоминаетъ и ученіе «о непорочномъ зачатіи Пресвятой Богородицы».

Защита новаго догмата начинается съ нападенія на православныхъ богослововъ, опровергающихъ этотъ догматъ. «Русскіе полемисты, заявляютъ онъ, или не понимаютъ католическаго ученія или нарочно искажаютъ его». Такъ, одни изъ нихъ осмѣиваютъ католиковъ, что послѣдніе-де вѣрують въ «безсѣменное» зачатіе Богоматери. Другіе увѣряютъ своихъ читателей, что католики выдумали ученіе о «непорочномъ зачатіи всего лишь 50 лѣтъ тому

назадъ, а прежде и сами тому не вѣрили. Третьи, напротивъ, утверждаютъ, что это ученіе довольно старое, но оно будто бы осуждено св. отцами, неприятно Пречистой Дѣвѣ и т. п. При томъ всѣ эти писатели предлагаютъ, что ученіе о непорочномъ зачатіи вовсе чуждо восточной Церкви и на Руси не было извѣстно»...

Одно изъ двухъ, или г. Забужный плохо знаетъ православную литературу по вопросу о непорочномъ зачатіи или сознательно клеветаетъ на православныхъ богослововъ.

Промотрите православную богословскую литературу вопроса¹⁾ и увидите, что нигдѣ православныя богословы не утверждаютъ, будто бы католики учатъ о безсѣменномъ зачатіи Богоматери. Наоборотъ, православные богословы прямо говорятъ, что католики такъ не учатъ²⁾ и вообще изложеніе католическаго ученія у православныхъ богослововъ дѣлается словами самой буллы о непорочномъ зачатіи и нисколько не отличается отъ изложенія догмата у самого г. Забужнаго. Если же въ какой либо полемической замѣткѣ и упоминается³⁾, что католики учатъ непорочному зачатію, то здѣсь разумѣется не официальное уче-

¹⁾ Упомянемъ напр. труды: «Взглядъ православнаго на новый догматъ римской церкви о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи» «Хр. Чт.» 1857, II; «Зачатіе Пресвятой Дѣвы Маріи безъ первороднаго грѣха предъ судомъ Св. Писанія и преданія св. отцовъ». «Христ. Чт.» 1858, I ч.; «Празднованіе immaculata conceptio Вожіей Матери». «Прав. Об.» 1863, № 2, 5; 1864, № 2; *Субботникъ Н. И.* Римскій догматъ о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи. Письмо къ о. Гагарину, священнику іезуитскаго ордена. «Душев. Чт.» 1879, № 1—3; *Силвестръ ст.*, «О вѣтѣ православнаго на схему старо-католиковъ о Пресвятой Дѣвѣ». «Тр. К. Д. Ак.» 1875, ч. I; *Прот. А. А. Лебедевъ*, «Разности церкви восточной и западной въ ученіи о Пресвятой Дѣвѣ Маріи Богородицѣ». Варш. 1881 г., изд. II, Петроградъ, 1903. *Никаноръ архіеп. Херс.* «Бесѣда о томъ, есть ли что еретическое въ латинской дѣвѣ?». Петроградъ, 1869, стр. 75—91; *Прот. Н. Малиновскій*, «Пряв. Догм. Богосла». Сергіевъ Посадъ 1909, г. II, стр. 164—189.

²⁾ См. напр. *прот. А. А. Лебедевъ*, *ор. ст.*, изд. II, стр. 110 прим. и др.

³⁾ Намъ встрѣтилось такое утвержденіе лишь въ «Послании вѣсо-опр. Антонія, архіеп. Волынскаго ко всѣмъ отдѣляющимся отъ православной Церкви старообрядцамъ». «Церк. Вѣд.» 1911 г. № 10, стр. 599.

возмогаетъ. Такъ, стоя сейчасъ и здѣсь, мы не замѣчаемъ, что земля вращается вокругъ себя и вокругъ солнца... Намъ кажется—все стоитъ неподвижно на мѣстѣ. Такъ и въ исторіи мы не замѣчаемъ мірового движенія, мірового тиготнїи, міровыхъ законовъ,—путей и цѣлей Промысла.

За грѣхи наши и теперь не дана намъ сразу и окончательная побѣда. За грѣхи наши и мы должны испытать длительный и мучительный путь борьбы. Въ чемъ грѣхъ народа нашего, не станемъ говорить подробно. Вѣрнѣе сказать, грѣховъ много и грѣховъ тяжкихъ и въ прошломъ, и, увы, въ настоящемъ: холодность вѣры въ извѣстныхъ классахъ русскаго общества, сектантское настроеніе въ народѣ, забвеніе древнихъ отеческихъ преданій, приниженіе и умаленіе церковнаго строя жизни, неуваженіе къ Церкви и ея служителямъ, отсутствіе сознанія долга, нечестность и на верхахъ и въ низахъ народной жизни, пьянство, развратъ, неуваженіе ко всему высокому и святому,—хуже того, какая то особенная, называемая теперь хулиганскою неспособность вообще, уважать кого-либо или что-либо, задорное противленіе всякому порядку и власти, распущенность во всѣхъ слояхъ народа, отсутствіе духовнаго пониманія религіи, сведеніе ея къ одной обрядности, воровство во дни печалей народовъ, напимѣрь, въ дни войны, жадное стремленіе наживы на бѣдствїяхъ ближнихъ и на замѣшательствахъ въ теченіи жизни общественной и государственной, естественныхъ и неизбѣжныхъ во время войны, безумная роскошь, теперь наблюдаемая вездѣ, безстыдная трата женами на роскошь законно и незаконно накопленныхъ богатствъ, получаемыхъ съ войны отъ мужей, безстыдная расточительность этихъ денегъ на суету и удовольствїя... Можно ли все перечислить? Знаемъ одно, что надобно намъ перегорѣть въ страданїяхъ, чтобы одуматься, очиститься, возвыситься нравственно, сдѣлаться достойными.

И вотъ отсюда величайшая заслуга всѣхъ тѣхъ, кто страдаетъ отъ войны: они безграничнымъ ожиданіемъ и принятіемъ смерти, терпѣливымъ и свободнымъ перенесеніемъ страданій приносятъ Искупителю міра искупительную жертву за грѣхи народа и приближаютъ къ намъ день ослабы, избавленія и побѣды.

Отсюда же величайшая заслуга и святости, благочестія, молитвы, подвига, чистоты нравственной. Такіе люди, праведные и благочестивые, очищаютъ своею чистотою весь народъ предъ Богомъ, привлекая къ нему Божіе благоволеніе.

Правда возвышаетъ народъ, а умалютъ народъ грѣхи. Такъ говоритъ библейская мудрость.

Да искупится въ страданїяхъ войны наша народная грѣховность. Да царствуетъ среди насъ святая праведность! Аминь.

Прот. І. Восторговъ.

ВНИМАЙТЕ СЕБѢ И СВОЕМУ СТАДУ ¹⁾.

III.

Въ настоящее время, въ цѣляхъ подъема, конечно, того же народнаго образованія, усиленно разрабатывается вопросъ о народныхъ домахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже приступили къ осуществленію предположеній въ этомъ новомъ дѣлѣ и притомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Нужда въ такихъ учрежденїяхъ, несомнѣнно, самая насущная. Съ отмѣной и, быть можетъ, Богъ дастъ, съ совершеннымъ уничтоженіемъ торговли водкой и вообще спиртными напитками—у народа оказалось много свободнаго времени. Въ селахъ да и городахъ нашихъ для простыхъ людей нѣтъ разумныхъ развлеченій. Кабакъ, трактиръ и лавчонка у винной «монополюшки», какъ не разъ говаривали наши радѣтели народнаго блага и свободы, замѣняли для нихъ клубы, всюду въ изобилїи насажденные для образованныхъ лю-

¹⁾ Продолженіе. См. № 48 «Церк. Вѣд.».

дей. Кому впервые пришла благая мысль о народныхъ домахъ—не можемъ сказать, но только особенно усердно разработкой этой мысли и осуществленіемъ ея занялась не безызвѣстная *лига образованія* и весь прогрессивный лагерь въ земствахъ. Почему? Потому, конечно, что народные дома явятся въ рукахъ ими владѣющихъ однимъ изъ самыхъ могучихъ орудій для господствованія надъ умами, чувствами и волей народными. И вотъ теперь возникаетъ самый серьезный вопросъ—будетъ ли отведено въ народныхъ домахъ какое-либо мѣсто для дѣятельности православнаго духовенства? А равно—сумѣетъ ли послѣднее во-время и понять все значеніе этого новаго учрежденія для православной церкви и для самого духовенства и принять надлежащее участіе въ жизни и дѣятельности народныхъ домовъ? Ибо, съ одной стороны, всѣмъ памятно по характеру своей дѣятельности народные дома, учрежденные комитетами о народной трезвости, какъ извѣстно послѣдившими прежде всего въ этихъ домахъ трезвости насадить спектакли, и оперетки, чтенія самаго противоправнаго и противохристіанскаго направленія и превратившими эти разсадники *просвѣщенія* и борьбы съ народнымъ пьянствомъ въ очаги революціоннаго движенія,—а съ другой—невольно себя спрашиваешь, что будетъ съ пастыремъ церкви, если онъ будетъ такъ или иначе устраненъ отъ народнаго дома въ своемъ приходѣ или займетъ въ немъ только второстепенное мѣсто? У него нѣтъ своей церковной школы, у него тогда изъято будетъ вліяніе и на взрослыхъ; у него останется только храмъ съ богослуженіемъ; но кто поручится, что устроители народныхъ чтеній или спектаклей въ народныхъ домахъ будутъ сообразоваться съ интересами церкви и не будутъ устраивать чтенія во время богослуженій? А если такъ будетъ въ дѣйствительности, то и храмъ Божій значительно потеряетъ свое вліяніе на жизнь народную. Что это возможно—

примѣровъ тому было и есть не мало. Припоминается намъ такой случай. Когда была дана свобода устраивать народные и иные спектакли и въ великій постъ и вообще когда угодно, то, какъ извѣстно, на это дѣло наши просвѣтителі народныя ринулись съ необычайной энергіей и послѣшностію, и конечно занялись устройствомъ спектаклей и якобы народныхъ увеселеній и развлеченій какъ разъ по субботамъ и въ праздничные дни и въ часы, когда обычно совершается всенощная. Вблизи церквей, монастырей появились такіе народные дома, шумъ и крики, а особенно музыка развеселая вторглись въ храмы и произвели страшный соблазнъ. Одинъ изъ архіереевъ не вытерпѣлъ, произнесъ громовое обличительное слово... И что же? Губернаторъ города не замедлилъ прислать официальный выговоръ такому архіерею: вы, де, ваше преосвященство, вооружаетесь противъ правительственныхъ распоряженій и тѣмъ самымъ народъ волнуете. И, кажется, донесъ въ Синодъ. Вотъ что бываетъ въ жизни. Конечно, если бы народные дома были подъ руководствомъ духовенства, то такихъ столкновеній между интересами церкви и просвѣщенія (назовемъ такъ) не было бы. Кромѣ того, учрежденіе народныхъ домовъ и оставленіе ихъ въ исключительномъ вѣдѣніи и распоряженіи хотя-бы той же лиги образованія или ея вѣрныхъ слугъ—неизбѣжно поведетъ и къ такимъ унижительнымъ и вмѣстѣ опаснымъ для духовенства явленіямъ: завѣдующій народнымъ домомъ, устроая чтеніе для народа, будетъ приглашать и мѣстнаго священника; возможно, что эти приглашенія будутъ вытекать изъ сознанія важности и необходимости участія батюшки въ такомъ дѣлѣ; но вѣдь возможно, что приглашенія будутъ дѣлаться и съ цѣлю поставить въ неловкое, а иногда такъ просто невозможное положеніе: идти на чтеніе—нельзя уже просто потому, что чтеніе религиозно-нравственное придется вести въ ряду чтеній,

совершенно несомвѣстимыхъ или при обстоятельствахъ неприличной; не пойти, отказаться—значить дать достаточный матеріалъ для злораднаго обвиненія, словеснаго и печатнаго,—православнаго духовенства въ нерадѣніи къ столь высокому дѣлу, какъ народное образованіе,—и только, де, потому, что нужно свою заботливость о народномъ образованіи проявлять бесплатно. Не трудно представить, какое обширное поле откроется для униженія авторитета духовенства въ массѣ народной.

Довольно долго мы остановились на выясненіи дѣйствительнаго положенія православнаго духовенства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія потому, что многіе и изъ духовенства смотрѣли и смотрятъ на этотъ весьма важный вопросъ крайне неправильно. Какъ извѣстно, *эта* образованія весьма широко разбросила свои сѣти; въ числѣ ея членовъ, несомнѣнно, не мало лицъ и изъ православнаго духовенства. Не-мало и лицъ, разсуждающихъ такъ: народъ нуждается въ просвѣщеніи,—какъ же воздвигать тѣ или другія препоны для дѣятельности тѣхъ или такихъ лицъ, которыя явно съ особеннымъ усердіемъ заботятся объ этомъ просвѣщеніи; не все-ли равно,—какая школа и подъ чьимъ руководствомъ будетъ идти просвѣтительная дѣятельность въ народѣ? Вѣдь рѣчь идетъ о *народной* низшей школѣ, о *народныхъ* чтеніяхъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, къ сожалѣнію, среди духовенства есть и такія лица, которыя видятъ въ дѣлѣ устройства школъ и руководствованія ими одну только тяготу; иные въ оправданіи своего равнодушія и недѣятельности доходятъ до того, что себя и другихъ убѣждаютъ, что собственно дѣло пастыря и мѣсто его служенія богослуженіе, совершеніе таинствъ и храмъ, а дѣло народнаго просвѣщенія—дѣло государства, или земства, или города; развивать же какое-то вѣдомственное соперничество—значитъ только вредить успѣхности въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Послѣднія

мысли особенно тщательно вѣдряютъ въ среду духовенства всѣ тѣ, кто понимаетъ значеніе школьнаго руководствованія и кто хотѣлъ бы, чтобы православное духовенство само отошло отъ дѣла, столь важнаго для него, для церкви, вообще для христіанскаго воспитанія народа, отошло даже съ сознаніемъ, что оно своимъ отступленіемъ дѣлаетъ въ сущности доброе дѣло. Кто же, говорятъ, мѣшаетъ духовенству, несущему обязанности законоучительства, вліять на учащихся, а чрезъ нихъ и на взрослыхъ чрезъ земскія, министерскія и городскія школы? Вѣдь собственно то, что принадлежитъ духовенству, не отнимается отъ него. Конечно, при болѣе внимательномъ отношеніи къ своему дѣлу, къ своему назначенію и положенію принимающимъ съ довѣріемъ только что высказанныя мысли можно было бы легко убѣдиться, что такія самооправданія въ отреченіи отъ одной изъ существеннѣйшихъ своихъ обязанностей есть именно или плодъ той теплохладности въ пастырскомъ служеніи, которая такъ сильно осуждена въ святомъ Писаніи, или неизбежное послѣдствіе ограниченности кругозора. Но какъ бы то ни было, работа всѣхъ противоцерковныхъ и противохристіанскихъ силъ въ разсматриваемой области идетъ самымъ усиленнымъ образомъ и, вужно съ горечью признаться, не безъ успѣха.

Людымъ, примиряющимся съ создающимся положеніемъ дѣла народнаго образованія внѣ руководства церкви, чтобы понять, почему именно такое положеніе создается, не мѣшало бы обратить болѣе серьезное вниманіе, чѣмъ это было до сего времени, на то, какіе по своему содержанію введены и вводятся учебники и книги для чтенія въ народныя школы. Въ этомъ отношеніи мы до самаго послѣдняго времени были совершенно безпечны. Казалось, существующія нарочитыя такія учрежденія, какъ учебные комитеты при Святѣйшемъ Синодѣ и при Министерствѣ народнаго просвѣщенія, вполне способны обезпечить

внутреннюю добротность пропускаемыхъ въ народную школу учебныхъ книгъ. На дѣлѣ же оказалось, что воюющіе противъ церкви и государства искусно сумѣли про- вести въ эту школу такія книги, которыя не только по своему духу, настроенію, но даже по явно выраженному содержанію своему служатъ намѣченнымъ и упорно преслѣдуемымъ цѣлямъ борьбы съ хри- стианскимъ міровоззрѣніемъ. Очевидно, враги Христа и Его Церкви не дремали и не дремлютъ, а работаютъ самымъ усилен- нымъ образомъ планомерно и весьма искусно надъ своимъ дѣломъ разрушенія современнаго христіанскаго общества, устраи- вая церкви, духовенства и всего, что такъ или иначе можетъ противодейство- вать злымъ силамъ, возставшимъ и непре- стаянно возстающимъ на Христа и Его стадо. Вотъ почему такъ злобно мнимые просвѣтителі народа возставали и возстаютъ на всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ и хочетъ держать подъ неусыпнымъ надзоромъ народныя бібліотеки. Нужно понять, нако- нецъ, что въ этой борьбѣ съ надзоромъ руководятся наши просвѣтителі отнюдь не чистыми, безпристрастными побужденіями: вѣдь если-бы эти побужденія были тако- выми, то почему не допускаются въ біб- ліотеки и читальни газеты и книжки, не носящія на себѣ печати «прогрессивности», а напротивъ—всемерно изгоняются.

IV.

Въ ряду тѣхъ средствъ, которыми поль- зуются противоцерковники для того, чтобы расшатать авторитетъ церкви и тѣмъ бо- лѣе духовенства, нельзя не отмѣтить еще слѣдующаго.

Положеніе православнаго духовенства, несомнѣнно, нуждается въ самыхъ серьез- ныхъ улучшенияхъ. Реформируя государ- ственную жизнь и вводя тѣ или другія улучшения въ бытъ и правовое положеніе различныхъ сословій, правительство наше почти всегда какъ-бы обходило вопросъ объ улучшеніи быта православнаго духо-

венства. Это всѣ сознаютъ, объ устраненіи различныхъ недостатковъ и несовершенствъ въ жизни послѣдняго заботятся. Но по- нятно само собою, что все видоизмѣнить сразу, особенно же при все болѣе и болѣе обозначающемся противоцерковномъ дви- женіи, очень трудно. Къ этому необхо- димо добавить и то, что духовному и свѣт- скому правительству въ его заботахъ оду- ховенствѣ приходилось и приходится счи- таться съ тѣми видимыми, а больше скры- тыми противодействіями, которыя шли и идутъ изъ того же прогрессивнаго лагеря, въ которомъ находились и находятся мно- гіе вліятельные члены правительства. От- сюда тотъ застой въ жизни православнаго вѣдомства, на который не безъ основанія многіе сѣтуютъ.

Вотъ этимъ создавшимся положеніемъ въ быту духовенства искусно воспользовались и пользуются всѣ враги церкви и духо- венства. Въ печати, въ обществѣ и вездѣ, гдѣ только возможно, именно тѣ изъ мни- мыхъ ревнителей блага церкви и пасты- рей, которые по самому своему положенію и по существу своихъ убѣжденій, повиди- мому, никакъ не могли бы выступать въ защиту того, что стоитъ имъ на дорогѣ, и выступаютъ *защитниками* и болѣзную- щими о благѣ церкви и духовенства. При этомъ бывало и бываетъ немало курьез- наго. Читающіе газеты, вѣроятно, пом- нять, какъ усердно въ прогрессивной еврейской печати, по выраженію самой этой печати,—*муссировался* вопросъ о воз- становленіи въ русской церкви патриар- шества. Можно было удивляться, почему это руководителямъ прогрессивныхъ га- зетъ, почти исключительно евреямъ, захо- тѣлось видѣть русскую православную цер- ковь съ патриархомъ во главѣ? Послѣ до- вольно жаркихъ нападокъ на Святѣйшій Синодъ и вообще на разныхъ «ретрогра- довъ», не желающихъ будто-бы восстано- вленія патриаршества, вдругъ по всей ли- ніи этой прессы прекратилось сѣтованіе на отсутствие въ православной церкви патри-

арха. Объяснилось все очень просто. Не уразумѣвши надлежащимъ образомъ того значенія, которое бы несомнѣнно возымѣло для православной Церкви восстановление патриаршества, и имѣя въ виду главнымъ образомъ дѣли сѣять всюду смуту, волненія, вызывать во всѣхъ слояхъ недовольство существующимъ «режимомъ», — борзописцы-прогрессисты и принялись было за обработку такого вопроса, который по ихъ мнѣнью непременно долженъ былъ возбудить и недовольство, и соперничество среди православной іерархіи, и оказались, къ крайнему недоумѣнью иныхъ изъ своихъ же собратьевъ, на той же, выражаясь ихъ жаргономъ, «платформѣ», на которой стояли такіе русские іерархи, которые всю свою жизнь борются съ прогрессивностью. Когда же изъ обсуждения вопроса болѣе или менѣе солидными органами печати, по преимуществу церковными, радѣтели восстановления патриаршества узнали, что православная русская церковь съ патриархомъ во главѣ и съ низведеніемъ власти оберъ-прокурора до того положенія, которое ему предназначено регламентомъ, значительно усилится, станетъ еще болѣе вліятельнымъ, — то какъ бы по какой-то командѣ совершенно прекратили проявлять свою ревность о благѣ русской церкви и вопросъ о патриаршествѣ сошелъ со столбцовъ прогрессивныхъ газетъ.

Далѣе. Не менѣе яростно обсуждался вопросъ о созывѣ собора, о составѣ Святейшаго Синода. Здѣсь уже почва для прогрессивныхъ чаяній болѣе прочна. Если удастся созвать соборъ во время особенно возбужденнаго состоянія общества, то несомнѣнно — овъ не пройдетъ мирно, обсужденіе разныхъ, особенно же такъ называемыхъ щекотливыхъ вопросовъ вызоветъ не только бурныя выступленія, но и серьезныя раздѣленія, которыми бы можно было воспользоваться для того, чтобы эти раздѣленія чрезъ нашу интеллигенцію и полуинтеллигенцію довести до самыхъ низовъ народныхъ — и тогда, думалось, цер-

кви не устоятъ. Не менѣе благоприятнымъ для возбужденія смуты въ умахъ и даже явнаго недовольства является и вопросъ — на какихъ основаніяхъ созывать соборъ, кто на немъ долженъ участвовать съ рѣшающими голосами? Вопросъ этотъ, сложный по существу своему, крайне осложнился вслѣдствіе именно необыкновенно пылкаго обсуждения его въ той же прогрессивной прессѣ, и голоса дѣйствительно ревнующихъ о благѣ церкви и знатоковъ каноническаго права въ томъ гвалтѣ, который подняли г. Проперъ, Гессенъ и имъ подобные въ газетахъ — «Биржевыя Вѣдомости», «Рѣчь», «Русское Слово» и въ нѣкоторыхъ *толстыхъ* журналахъ, — совершенно потонули. Для прогрессивныхъ нашихъ *мыслителей* было только одно ясно: если созовутъ соборъ на строго-каноническихъ основаніяхъ, — то легко можно будетъ найти недовольныхъ среди мірянъ, бѣлаго духовенства, ученыхъ и т. п., которые не могли бы по той или другой причинѣ попасть въ качествѣ членовъ на соборъ; если соборъ созовутъ на основаніяхъ, особенно желательныхъ для *рабѣтелей* церкви, то овъ вполне угодится Государственной Думѣ, въ которой, при извѣстной неприкосновенности, каедрой можно пользоваться и пользуются для возбужденія населенія. Однимъ словомъ, какъ бы ни разрѣшился въ дѣйствительности вопросъ о созывѣ собора, — всегда будутъ тренія и обильный матеріалъ для возбужденія недовольства. Да и то полезно для смуты, что, не смотря, де, на желаніе всего православнаго міра, соборъ не созывается.

Ту же пользу нашей прогрессивности принесъ вопросъ о составѣ Святейшаго Синода. Тутъ уже дошло дѣло до обвиненія Святейшаго Синода и правительства вообще въ *подлогъ* самого будто бы регламента. Когда же *подлогъ* съ позоромъ провалился, то все-таки обрѣлось довольно матеріала для возбужденія недовольства. Иной разъ наша злосчастная печать, ока-

завшаяся, за весьма рѣдкими исключениями, вся въ рукахъ еврейства и потому являющаяся исключительно прогрессивной по всѣмъ вопросамъ, въ томъ числѣ и религиознымъ и церковнымъ, кромѣ талмуда, — касается вопросовъ, уже, такъ сказать, назрѣвшихъ, разсматриваетъ ихъ довольно правильно, но именно тѣ затаенныя цѣли, ради которыхъ таковыя вопросы поднимаются, лишаютъ дѣятельность нашихъ прогрессистовъ всякой созидательности и служатъ только источникомъ смуты, недовольства и даже злобы. Весь расчетъ нашихъ прогрессивныхъ писателей и даже самыхъ полуграмотныхъ *публицистовъ* построенъ на двухъ китахъ: наше общество легковѣрно, и всякое печатное слово, особенно же если оно щекочетъ самолюбіе и бичуетъ, — что безразлично, лишь бы бичевало, — принимается имъ за истину; это одно; и другое пиши, пиши (въ соотвѣтствіе съ извѣстной французской пословицей — клеветчи-клеветчи — на дѣлѣ что-нибудь да останется), и въ концѣ концовъ добьешься того, что вобьешь что-нибудь въ голову читателей.

Не менѣе показательно для искренности нашихъ прогрессистовъ ихъ общеніе и всемѣрная поддержка раскольниковъ. Казалось бы, что общаго между рьяными и безудержными нашими прогрессистами и раскольниками, которые, какъ извѣстно, по самому существу своему — враги всякаго прогресса. А между тѣмъ, установилась самая тѣсная связь и самое любовное отношеніе не только между раскольниками и прогрессистами, но даже между первыми и отчаянными социалистами. Ясно, почему это. Конечно, ни троеперстіе, ни аллилуія, ни Никонъ, ни Аввакумъ не интересуютъ евреевъ и ихъ приспѣшниковъ, — а та непрестанная брань, которая такъ изобильно изливается современными вожаками раскола на православную Церковь, къ тому же имъ, какъ впрочемъ и всѣмъ уже извѣстно, что современные главари раскола (не *епископы* изъ конюховъ и дворянниковъ, а

разные явные и закулисные руководители и вершители судебъ раскольническихъ) со-всѣмъ не интересуются вопросами вѣры, что большинство изъ нихъ совершенно безразлично относятся къ ученію Христову, но что они, пользуясь своею толстою сумою, повели раскольниковъ въ прогрессивный противоправительственный лагерь и поставили этихъ исконныхъ, чисто русскихъ людей въ ряды защитниковъ еврейства. Въ этомъ отношеніи успѣхи прогрессистовъ и нашихъ революціонеровъ дѣйствительно велики. Конечно, расколъ, какъ именно расколъ, отъ такой *эволюціи* погибаетъ и окончательно погибнетъ, но не на пользу Церкви Христовой и русскаго государства, а пополнить собою ряды тѣхъ, которыхъ еще такъ недавно у насъ называли нигилистами.

Въ послѣднее время наша прогрессивная печать особенно усердно занималась вопросомъ объ улучшеніи правового и экономическаго положенія православнаго духовенства. Чуть ли не со слезами она трактуетъ о забитости нашего духовенства, иногда о бѣдности, о безграничности власти епископовъ, граничащей съ полнымъ произволомъ, о богатствахъ лавръ и монастырей и о сотняхъ тысячъ дохода у митрополитовъ и епископовъ. Даже какъ-то въ Государственной Думѣ поднимались рѣчи о лучшемъ обеспеченіи всего нашего клира въ матеріальномъ отношеніи. Особенно часто такія рѣчи полились, когда сильно колебалось положеніе и вліяніе партіи октябристовъ, когда ихъ главарь былъ забаллотированъ и не прошелъ въ члены Государственной Думы. Нужно было найти посолондѣе точку опоры, чѣмъ та, которую исключительно пользовались до сего времени октябристы; фабриканты и продавцы миткала и иныхъ доходныхъ товаровъ къ тому же стали все болѣе и болѣе перекочевывать къ каде-камъ, подъ крыло извѣстнѣйшаго лидера. А такъ какъ православное духовенство явило себя весьма серьезною избирательною силою и притомъ совер-

шенно для себя непритязательною, то начали прилагать всѣ усилія, чтобы обратить взоры духовенства въ сторону октябристовъ. Вотъ и пошли рѣчи объ улучшеніи матеріальнаго положенія сельскаго по преимуществу духовенства, начали усиленно хлопотать о покупкѣ «Колокола», благо издатель-то его всегда былъ нетвердъ въ своихъ убѣжденіяхъ ну, конечно и *пресса* подхватила этотъ вопросъ. Вопросъ о всестороннемъ улучшеніи быта православнаго духовенства—самый большой, важный и, какъ говорится, животрепещущій. Многое бы могла Государственная Дума сдѣлать для блага или менѣе удовлетворительнаго разрѣшенія его, если бы только дѣйствительно большинство Думы и въ томъ числѣ октябристы любили духовенство, желали дѣйствительнаго улучшенія его быта. Ей слѣдовало только идти по указанному Императоромъ Александромъ III пути, исполнить безъ увертокъ и разныхъ *кулуарныхъ* махинацій, блоковъ и соглашеній явныхъ и тайныхъ — тѣ неоднократныя указанія, которыя были сдѣланы Государемъ Императоромъ. Но дѣло въ томъ, что совсѣмъ не въ интересахъ прогрессивной части Думы, какъ и всѣхъ нашихъ прогрессивистовъ, улучшать на самомъ дѣлѣ, а не на словахъ только положеніе духовенства. Поэтому-то они говорить-то объ этомъ улучшеніи говорятъ, но на дѣлѣ-то съ большою неохотой и только подъ *давленіемъ* рѣшаются кое-что сдѣлать для духовенства. Въ кулуарахъ, впрочемъ, была серьезная рѣчь о томъ, чтобы возможно быстрѣе обезпечить духовенство жалованьемъ, но при условіи чуть ли не полнаго подчиненія Святѣйшаго Синода, а съ нимъ и духовенства Думѣ. Подобнаго рода проекты могутъ возникать только въ той средѣ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго уваженія къ Церкви и ея служителямъ.

Насколько мнимые радѣтели улучшенія быта духовенства дѣйствительно заботятся объ этомъ улучшеніи и вообще о подъемѣ нравственнаго авторитета служителей пра-

вославной Церкви—легко можно видѣть изъ того *дѣйствительнаго* отношенія къ послѣднимъ со стороны этихъ радѣтелей, которое наблюдается и въ житейскихъ отношеніяхъ и въ печати. Мы должны съ горечью отмѣтить, что нигдѣ православное духовенство не встрѣчаетъ такого полупрезрительнаго отношенія къ себѣ, какъ именно въ средѣ нашей прогрессивной интеллигенціи, даже и въ томъ случаѣ, когда иные изъ батюшекъ подлаживаются подъ ея взгляды и выставляютъ себя тоже весьма и весьма либеральными. Превжній крѣпостническій взглядъ всецѣло паритъ еще въ этой средѣ, такъ, повидимому, ненавидящей всякое проявленіе крѣпостныхъ замашекъ. Что же касается отношенія прогрессивной печати къ православному духовенству, его пастырской и общественной дѣятельности, къ установленіямъ Церкви,—то именно здѣсь всего ярче сказывалось и сказывается дѣйствительное настроеніе прогрессивнаго нашего общества. Если взять во вниманіе одно только послѣднее десятилѣтіе, то можно будетъ прийти къ рѣшительному убѣжденію, что большей нетерпимости въ отношеніи къ духовенству трудно ожидать. Наша печать никогда не нападала ни на католическое, ни на протестантское духовенство; буквально ни одного слова осужденія не слышно было по отношенію къ лицамъ и дѣятельности раввиновъ, муллъ, ламъ; даже такое выходящее дѣло изъ ряда преступленій, какъ извѣстное дѣло Мацоха, не вызвало со стороны нашей прогрессивной печати какихъ-либо выступленій противъ хотя бы католическаго монашества. Совершенно обратное мы видимъ въ отношеніи къ православному духовенству. Политическіе взгляды послѣдняго, если они выражались въ той или другой формѣ открыто, подвергались самому беспощадному издѣвательству; не подходящая къ прогрессивнымъ лозунгамъ дѣятельность тѣхъ или другихъ лицъ изъ духовенства доводила печать положительно до ярости, причемъ она не останавливалась ни предъ какою ложью,

клеветой, не щадила ни сана, ни старости; известно, что даже о. Ісаявъ Кронштадтскій не оставленъ былъ мерзкой клеветой. И что особенно бросается въ глаза,—такъ это—полное замалчиваніе дѣйствительныхъ прегрѣшеній тѣхъ лицъ изъ православнаго духовенства, которыя почитались и почитаются прогрессистами. Еще болѣе поразительны, вѣрнѣе—поучительны такія отношенія: сколько грязи, издѣвательства, самыхъ непристойныхъ выходокъ пришлось перенести извѣстному іеромонаху Ілиодору, пока онъ оставался въ Церкви. И какъ круто измѣнились отношенія прогрессивной печати къ тому же лицу, когда оно, окончательно свихнувшись, возстало на церковь. Повторяемъ: все это служить самымъ лучшимъ мѣриломъ тѣхъ дѣйствительныхъ настроеній въ отношеніи къ духовенству со стороны нашихъ прогрессистовъ, ихъ задушевныхъ желаній, стремленій и цѣлей, которыми живетъ и воодушевляется въ своей дѣятельности та часть нашего общества, которая присвоила себѣ право быть представительницей такъ называемаго прогресса.

V.

Все, на что выше указано, само по себѣ печально, ибо оно указываетъ на болѣзненное состояніе всего общества. Но становится еще болѣе печальнымъ, что у насъ противоцерковное и одновременно противогосударственное направленіе почти вѣсьмъ образованнымъ классомъ почиталось вполне естественнымъ, законнымъ. Въ войнѣ съ Церковью, съ христіанствомъ—слышали и видѣли послѣднее слово науки. Воюя, мы, по мнѣнію огромнаго большинства, слѣдовали за Европой, догоняли ее. А вѣдь Европа и особенно сосѣдка наша Германія—создатели истиннаго просвѣщенія человѣчества, творцы торжества ума и воли человѣческой. Рабски преклоняясь предъ Европой, мы съ крайнимъ неудовольствіемъ относимся ко вѣсьмъ тѣмъ попыткамъ, которыя дѣлались нѣкоторыми нашими писате-

лями и философами, чтобы дать надлежащую, безпристрастную оцѣнку «сокровищъ ума и сердца» западноевропейскаго общества,—къ попыткамъ обратить наши взоры къ дѣйствительнымъ сокровищамъ, хранящимся въ нашей церкви, въ душѣ нашего народа. Гордый успѣхами своего ума, проявившимся особенно въ области открытій и изобрѣтеній, побѣдами своей воли, торжествующей надъ стихіями природы,—Западъ самъ въ себя вѣрилъ, шелъ къ будущему смѣло, все болѣе и болѣе отстраняясь отъ Бога, и насъ гипнотизировалъ своею увѣренностію и своими видимыми успѣхами. Поэтому мы спѣшили за нимъ, спѣшили пользоваться и тѣми средствами, которыми онъ, казалось намъ, достигъ своего всесторонняго величія. Западъ пережилъ борьбу съ церковію,—и намъ нужно было эту борьбу создать, и Церковь со вѣсьми ея силами устранить съ пути «прогресса». Западъ послѣднія полтора столѣтія прожилъ почти въ непрерывныхъ революціяхъ,—и намъ нужно было все это пережить, ибо только такимъ путемъ, вѣрилось намъ, можно создать наилучшія условія для возможно совершеннаго общественнаго и государственнаго быта. Западъ послѣ государственныхъ переворотовъ перешелъ въ періодъ борьбы—классовой, а потомъ—капитала и труда по указаніямъ социализма во вѣсьхъ его развѣтленіяхъ,—и мы поспѣшили отдаться въ полонъ Маркусу и вѣсьхъ его послѣдователей. Разрушивши или почти разрушивши авторитетъ церкви, отвернувшись отъ христіанства и не найдя въ распущенности нравовъ удовлетворенія потребностей духа, Западъ въ значительной степени ударился или въ масонство, или въ нищенство. И у насъ появилось богоискательство, толстовщина, преклоненіе предъ буддизмомъ и то же масонство. Однимъ словомъ, шли мы въ хвостѣ Запада, подражая ему во всемъ и, конечно, какъ и Западъ, не замѣчали и не хотѣли замѣчать, что идемъ въ бездонную пропасть, что надъ міромъ человѣческимъ вслѣдствіе

именно особенности торжествующаго міровозвѣртія собираются страшныя грозы.

Весьма характерна и такая черта въ прошломъ еще такъ недавно настроеніи всего христіанскаго міра: всѣ, конечно, видѣли, какъ быстро идутъ вооруженія народныя, какъ лихорадочно всѣ готовятся къ войнѣ; всѣ это видѣли и приходили въ ужасъ отъ этой будущей войны. Но чего боялись, что ужасало? Боялись почти исключительно только разоренія народовъ, паденія такъ называемой культуры, разгрома всего благопріобрѣтеннаго. Появились даже огромныя сочиненія, гдѣ самымъ тщательнымъ образомъ было высчитано, какіхъ расходовъ потребуетъ война, какъ долго продолжится та или другая держава и какъ долго продлится война. Нѣкоторые изъ занимавшихся этимъ вопросомъ приходили даже къ убѣжденію, что война, вслѣдствіе неизбѣжныхъ страшныхъ потрясеній въ жизни народовъ, просто невозможна, что едва ли кто рѣшится принять на себя отвѣтственность предъ народами за то, что должно будетъ произойти среди нихъ.

Очевидно, старались все предвидѣть и, какъ это обыкновенно бываетъ, ничего не предвидѣли, ничего и не предотвратили. Самое же главное и ужасное, что должна была война вскрыть, и совсѣмъ не приходило въ голову. *Мудрый и гуманный*, просвѣщенный и съ ногъ до головы вооруженный міръ христіанскій—все повидимому предвидѣлъ,—даже особыя законы войны составилъ и принялся маленькія государства обезопасить разными договорами. Одно-го только никакъ не могъ достигнуть—заставить себя пойти на призывъ нашего Государя Императора—всѣ возникающія международныя недоразумѣнія разрѣшить третейскимъ судомъ. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи было кое-что сдѣлано: нѣкоторыя столкновенія между маленькими народами были рѣшены Гаагскимъ судомъ и въ Гаагѣ воздвигнуть былъ дворецъ международнаго правосудія! Въ дѣйствительности же на призывъ къ миру и разору-

женію міръ отвѣтилъ—и при томъ почти немедленно японской войной! Эта война должна была явиться дѣйствительнымъ и вразумительнымъ показателемъ дѣйствительнаго духовно-нравственнаго настроенія народовъ и ихъ руководителей. И такъ—мировую войну предвидѣли, ея боялись и сами себя убѣждали, что не найдется среди правителей народовъ такой, который бы рѣшился,—въ виду неизбѣжнаго разоренія народныхъ богатствъ и сомнительныхъ выгодъ въ матеріальномъ отношеніи, поднять мечъ.

Всѣ ошиблись жестоко! Нашелся среди владѣтелей міра такой, котораго не оставила неизбѣжность ужасовъ современной войны. Многимъ владѣя, онъ большаго захотѣлъ. Вознесшійся высоко надъ народами, онъ возымѣлъ неистребимое въ его гордой душѣ желаніе всѣхъ и все себѣ подчинить. Кровь, страданія людскія, разореніе народовъ—все оказалось ничтожнымъ предъ горделивыми вождельніями! Война была усердно и искусно подготовлена, война началась, и весь міръ пришелъ въ ужасъ предъ тѣмъ, что оказалось въ немъ возможнымъ—въ немъ, мірѣ христіанскомъ. Ужасы взаимнаго истребленія людей и ихъ богатствъ превзошли самое пылкое и мрачное воображеніе. Длительность войны превысила всѣ вычисленія. Совершилось предъ глазами всего міра не только то, чего боялись, но и то, чего *не могли* допустить. Нарушены всѣ законы войны, договоры народовъ превращены въ ничтожныя лоскутки бумаги.

А главное, содрогнулася весь міръ, понявши характеръ, который былъ приданъ войнѣ начинавшимъ эту войну. Началь войну народъ—одинъ изъ самыхъ образованныхъ, богатыхъ и сильныхъ. Началь онъ во всеоружіи знаній военныхъ и иныхъ. Началь съ именемъ Божіимъ на устахъ. И о ужасъ! Міръ сталъ свидѣтелемъ гадкихъ дѣяній, которыя только могъ совершить или Чингизъ-хань, или Тамерланъ, или Аттила. Даже больше: дѣянія называ-

ныхъ истребителей человѣчества дѣянiami кроваваго Вильгельма превзойдены во много разъ, ибо современное *просвѣщеніе*, современныя знанія во много-много разъ расширили области истребленія людей. Теперь стали вполнѣ доступны истребителю людей и море, и воздухъ, и глубины морскія, и выси небесныя. Теперь и большіе чувствуются наносимые удары. Человѣчество въ теченіе многихъ, многихъ вѣковъ собирало, созидало, украшало, радовалось проявленію въ разныхъ областяхъ человѣческаго гениа, покрыло мѣсто своего обитанія на огромныхъ пространствахъ чудными, привлекательными, благоустроенными произведеніями высокаго культурнаго труда. Наконецъ, человѣчество стало болѣе дорожить и человѣческою жизнію, человѣческою личностію. И вдругъ предъ изумленнымъ взоромъ современнаго просвѣщеннаго міра встали во всемъ своемъ отвратительномъ видѣ звѣрство, неслыханная по качеству, количеству и безцѣльности жестокость. И что всего ужаснѣе,—звѣрство и жестокость оказались проявленіями не какого-либо лица или сословія, а цѣлаго во всей его совокупности народа съ его учеными и государственными мужами, женщинами и дѣтьми. Откровенно до небывалаго даже среди преступниковъ цинизма съ высоты престола и народныхъ трибунъ провозглашались такіа нравственныя начала дѣятельности и взаимныхъ отношеній между людьми, которыя привели всѣхъ людей, кромѣ нѣмцевъ, въ содроганіе. Всѣмъ народомъ овладѣла необъятная, невмѣстимая для сознанія человѣческаго гордыня и челоѣконавистничество. Наука прибѣгла къ изобрѣтенію такихъ средствъ борьбы, какія по своему характеру и объему являются болѣе чѣмъ чудовищными. Впрочемъ, на языкѣ современныхъ народовъ нѣтъ достаточно выразительнаго для этихъ изобрѣтеній слова. Философія, общественныя науки, даже то, чѣмъ особенно занимались и гордились въ послѣднія времена изобрѣтатели новыхъ формъ государственной и

общественной жизни—именно социализмъ,—все въ одинъ голосъ заговорило языкомъ крови и истребленія *непокорныхъ*. Но всѣхъ, конечно, превзошли церковныя проповѣдники. Если германскій императоръ не оставилъся въ своемъ гордомъ ослѣпленіи поставить себя рядомъ съ Богомъ и изрекать богохульныя рѣчи, то можно было ожидать, что хотя пасторы постѣнсаяются съ церковной кафедрой, посвященной проповѣди Христова вѣро- и нравоученія, поучать своихъ пасомыхъ звѣрству и жестокости и провозглашать тѣ же начала жизни и дѣятельности, что и разные нѣмецкіе лейтенанты въ родѣ Прейскера и другихъ. Но въ дѣйствительности оказалось не то: и церковная кафедра и храмы обращены въ училища неимоверной гордости и таковой же жестокости.

Нельзя замалчивать и того, что и у насъ, на Руси, въ наступившій часъ суда Божія среди той части населенія, точнѣе, просвѣщеннаго общества, которая всецѣло отдалась чуждому водительство, и себя по духу своей жизни и своего мировоззрѣнія объединила совершенно съ Западомъ, точно такъ же немало оказалось печальныхъ и по существу своему страшныхъ явленій,—явленій, правда, не столь, какъ у нѣмцевъ, яркихъ, но все-таки весьма характерныхъ для нравственнаго мировоззрѣнія многихъ изъ нашихъ *просвѣщенныхъ* людей. Не имѣя, по преимуществу страха-ради предъ народомъ, возможности встать открыто на сторону нашихъ враговъ и враговъ въ то же время христіанства, наши просвѣтителі и освободители принялись за борьбу съ правительствомъ. Все забыто, все вѣрнѣе, нарочито и съ полнымъ сознаніемъ устранено: и то, что русское государство находится въ крайней опасности, и то, что проливающіе свою кровь за Родину миллионы русскихъ людей ждуть, просятъ нравственной помощи и вооруженія, и то, что въ случаѣ побѣды врага Россія потеряетъ почти всю свою независимость, все отброшено, даже больше,—всѣмъ этимъ морѣшено воспользо-

ваться, чтобы достигнуть своихъ партійныхъ цѣлей. Рядомъ съ этимъ тяжкимъ проявленіемъ нравственнаго уродства, очевидно, выросшаго среди иныхъ нашихъ, какъ они себя любятъ называть, интеллигентовъ на почвѣ тѣхъ же противохристіанскихъ началъ, что и у иѣмцевъ, стоятъ сравнительно мелкіе людишки, съ мелкими личными или общественными качествами и дѣяніями, но все-таки достаточно характеризующими то состояніе нравственнаго міровоззрѣнія, до котораго они дошли и которое не можетъ быть не названо самымъ печальнымъ. Каждый изъ такихъ лицъ проявилъ и проявляетъ свою нравственную одичалость сообразно своему положенію и занятію. Одинъ круто и явно измѣнически и ради какихъ-то выгодъ измѣняетъ направленіе своего печатнаго органа, не смотря на то, что до представившихся ему выгодъ приходилось защищать одни изъ важнѣйшихъ началъ жизни. Другіе, соблазнаясь возможностью приобрести особое значеніе въ кругу извѣстныхъ дѣятелей, не стѣняясь ни тѣмъ знаменемъ, подъ которымъ они до сего времени шли, ни исповѣдуемыми и въ жизнь проводимыми началами тѣхъ, къ кому приходится пристать, безъ зазрѣнія, какъ говорится, со вѣсти мѣняютъ свои и знамена и убѣжденія. Третьи, пользуясь повидному для нихъ всеоправдывающимъ военнымъ временемъ, приложили всѣ усилія, чтобы на все поднять цѣны и на горѣ общерусскомъ нажить чрезмѣрные богатства. Повторяемъ, — всѣ эти, имъ подобныя явленія нравственнаго порядка, сравнительно съ иѣмецкимъ звѣрствомъ и вѣроломствомъ, — легкія, но они, несомнѣнно, по существу своему и происхожденію того же самаго источника, что и иѣмецкія. Ужасъ людей вдумчивыхъ, нравственныхъ, основъ христіанскихъ еще не растерявшихъ, охватываетъ при видѣ той легкости, съ которой мѣняются убѣжденія, направленія и притомъ не въ какихъ-либо неважныхъ или обыденныхъ житейскихъ дѣ-

лахъ и отношеніяхъ, а въ вопросахъ высокой важности, въ руководящихъ началахъ жизни. Невольно останавливаешься надъ этими печальными явленіями нашей какой-то холодной и безпринципной современной жизни и себя самого спрашиваешь, неужели умъ и слово даны человѣку, чтобы только служить для обдумыванія наилучшихъ, въ смыслѣ наиблагоугоднѣйшихъ условій для измѣны прежнимъ знаменамъ и для такого же ненадежнаго служенія новымъ, нынѣ очень *полезнымъ*, и чтобы, ни Бога не боясь, ни людей не стыдясь, оправдывать себя и свои дѣянія въ красивыхъ и ложныхъ увѣреніяхъ, что-де вотъ теперь то измѣнники истину познали. Не замѣчаютъ такіе люди, что вѣдь легко дойти и до мясоѣдовщины, ибо эволюція совѣсти и нравственности, разъ она можетъ быть оправдана истинными, разными ложными увѣреніями, можетъ не устоять не только предъ той блестящей теоріей о сверхчеловѣчествѣ, которая такъ увлекательно развивалась Ницше и которая теперь въ болѣе широкомъ масштабѣ, уже въ формѣ сверхнародности, развивается нѣмцами всѣхъ родовъ и классовъ и вбивается въ сознаніе всѣхъ народовъ сверхпушками и сверхподводными лодками, но и предъ нѣмецкимъ золотомъ и тѣмъ болѣе передъ тѣми и другими вмѣстѣ взятыми доказательствами и откровеніями новыхъ, лучшихъ путей жизни и дѣятельности на благо родины. Вѣдь нужно помнить, что не одни иѣмцы считаютъ славянъ удобрительнымъ только тукомъ для ихъ благородной націи, но и нѣкоторые нашими учеными эта теорія поддерживалась и даже поддерживается; нужно помнить и то, что еще не такъ давно у насъ съ кафедръ университетскихъ и въ учебникахъ исторіи настойчиво и краснорѣчиво русскіе люди поучались, что русская исторія—одно сплошное собраніе преступленій, недомыслия, дикости и вообще служить только доказательствомъ полной несостоятельности русскаго народа; вѣдь совсѣмъ не-

давно наши русскіе, даже высокотитулованные люди вѣдвали за границу уговаривать богатые западно-европейскіе народы, преимущественно французовъ, не давать Россіи денегъ единственно и притомъ съ нескрываемою цѣлью — добиться ея пораженія во время японской войны; вѣдь недавно нѣкоторые изъ нынѣ стоящихъ во главѣ политическихъ партій среди чуждаго народа и ради своихъ партійныхъ выгодъ поносили свою родину, унижали ее, ставили даже ниже тѣхъ народностей, которыя не имѣютъ своего государства, которыя не сумѣли сохранить своей самобытности, которыя всегда были и будутъ врагами всего христіанскаго міра. Все это нужно помнить, чтобы понять дѣйствительный смыслъ и тѣхъ явленій, о которыхъ только что было говорено.

VI.

Что въ жизни христіанскихъ народовъ, особенно въ духовно-нравственной, и въ томъ направленіи, которое все болѣе и болѣе принимала такъ называемая европейская цивилизація, не мало есть несовершенствъ и даже грозныхъ признаковъ, указывающихъ на болѣзненное и опасное положеніе просвѣщеннаго человѣчества, — это чувствовалось и сознавалось многими и до разразившейся войны, сознавалось притомъ не только моралистами, но и людьми той же самой науки, которая такъ увлекала всѣхъ своими видимыми успѣхами. Объ опасностяхъ для человѣчества не мало говорилось. Были и люди, призывавшіе образованное человѣчество къ гармонизаціи всей своей духовной и нравственной жизни на началахъ христіанскаго вѣро и нравоченія. Но очи ума и сердца огромнаго большинства европейскаго человѣчества до того были ослѣплены «успѣхами наукъ и искусствъ», новѣйшими и важнѣйшими открытіями и изобрѣтеніями, «последними словами» такъ называемыхъ общественныхъ наукъ, что на предостерегающіе голоса наиболѣе провинновенныхъ людей

почти не обращали вниманія. Въ особенности это нужно сказать о нашемъ обществѣ, вставшемъ въ полнѣйшее рабское подчиненіе именно всему показному, именному всему тому, что называлось послѣдними словами науки, какой бы области эти слова ни касались. Даже болѣе. Наше образованное общество какъ будто нарочно, какоюто невидимою силою особенно усердно и успѣшно толкалось въ глубь развращающейся пропасти и лихорадочно, особенно въ послѣднее время, спѣшило разрушить и поколебать тѣ основы нашей народной жизни, которыя положены для всей нашей исторической и духовно-нравственной жизни. Начиная съ 60-хъ годовъ XIX столѣтія и до сего дня только и можно было слышать среди такъ называемыхъ передовыхъ нашихъ людей, захватившихъ въ свои руки водительство общественнымъ мнѣніемъ, — разрушайте, разрушайте до основанія. Если на Западѣ съ легкимъ сердцемъ проходили мимо серьезно предостерегающихъ голосовъ, то у насъ съ какою-то ненавистію обрушивались на всѣхъ, кто осмѣливался указывать хотя бы только на односторонность западно-европейскаго просвѣщенія. Такихъ лицъ клеймили разными ставшими въ пониманіи большинства поносными словами, въ родѣ обскурантовъ, ретроградовъ, гасителей просвѣщенія, клерикаловъ и т. д. Уже надвигались грозныя тучи, чувствовалось всѣми, что наврѣваютъ тяжкія для человѣчества событія. Но наше образованное общество, отдавшееся всѣмъ своимъ существомъ водительству освободителей, во главѣ которыхъ встало еврейство, масонство, — ничего не хотѣло видѣть, ни о чемъ не хотѣло слышать. Въ это именно время появилось и пошло по лицу нашей земли безнравственнѣйшее, но тѣмъ не менѣе какъ бы нѣкое особенно цѣнное начало дѣятельности: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.

И вотъ разразилась гроза да въ такихъ ужасахъ, что невольно всѣ встрепенулись, невольно всѣ какъ бы остолбѣли. Расте-

ишіеся идолопоклонники предъ наукой, искусствомъ, предъ просвѣщеніемъ на основаніяхъ разума встали втупикъ предъ ужасомъ и отъ ужаса начавшейся войны. Что же это такое? Образованнѣйшіе народы, накопившіе такъ много «культурныхъ богатствъ», начали между собою войну и ведутъ ее хуже всякихъ дикарей. Гдѣ-же сдерживающая сила просвѣщенія? Гдѣ власть надъ умомъ, чувствомъ и волей науки, всѣхъ «соціальныхъ» условій жизни, усвоенныхъ, повидимому, человечествомъ, хотя и съ великимъ трудомъ. Гдѣ власть договоровъ, разныхъ международныхъ соглашеній? А главное-то, главное—гдѣ *гуманность*, гдѣ простая человечность? И стало яснымъ для огромнаго большинства людей, что тотъ путь умственного и нравственного совершенствованія, на который давнымъ давно встали западно-европейскіе народы, самымъ неизбѣжнымъ образомъ долженъ былъ привести именно къ тому, что пришлось теперь всѣмъ переживать. Исключительное преклоненіе предъ человѣческимъ разумомъ, предъ просвѣщеніемъ ума и сердца безъ Бога и Его закона—въ концѣ концовъ и должно было привести къ тому, что никѣмъ и ничѣмъ высшимъ несдерживаемый грѣховный человѣкъ и въ немъ звѣрь-человѣкъ при первомъ же представшемся случаѣ и проявилъ себя во всемъ отвратительномъ безобразіи животности, себялюбія, все и вся превосходящей гордости. Оказывается, наука, искусство и вся сумма просвѣтительныхъ учрежденій сами по себѣ не предохраняютъ человечество отъ взрыва самыхъ губительныхъ страстей. Успѣхи наукъ и искусствъ сами по себѣ могутъ привести къ умопомраченной гордости,—иначе говоря къ тому себялюбію, которое равняетъ человѣка съ дикимъ и кровожаднымъ звѣремъ, живущимъ исключительно однимъ только инстинктомъ самосохраненія.

Къ нарастающимъ все болѣе и болѣе недоумѣніямъ, сомнѣніямъ и разочарова-

ніямъ,—подъ вліяніемъ ужасовъ разразившейся войны,—въ совершенствѣ современнаго образованія, въ его дѣйствительно совершенствующемъ, облагораживающемъ значеніи для внутренняго человѣка присоединилась масса невыразимаго горя человеческого, надвинувшася на людей непреодолимою, безпросвѣтною тучею. Сколько молодыхъ жизней погибло! Сколько здоровыхъ, полныхъ, цвѣтушихъ юношей превращено въ калѣки! Сколько вдовъ, сиротъ, сколько разоренныхъ, обнищавшихъ людей, только что бывшихъ богатыми и жившими мирнымъ и многоуспѣшнымъ трудомъ! И подошло это горе, эти страданія къ сердцу человѣческому, и оно, сердце, только что гордое и радостное торжествомъ человѣческаго ума надъ внѣшней бездушной природой, теперь готово отъ ужаса остановиться при видѣ полнаго торжества дикости и звѣрства надъ всѣми благородными стремленіями и чувствами самаго разумнаго на землѣ существа—человѣка, всѣмъ повидимому овладѣвшаго, всему указавшаго мѣсто въ своей человѣческой жизни, кромѣ своего внутренняго я. Гдѣ же выходъ изъ создавшагося положенія? Кто или что укажетъ теперь дорогу среди лабиринта возникшихъ сомнѣній и разочарованій? Чего именно не доставало въ общей сокровищницѣ европейскаго просвѣщенія, чтобы оно было дѣйствительно свѣтомъ и освѣщающимъ, и согрѣвающимъ, и животворящимъ для человѣческаго духа? А главное гдѣ искать утѣшенія въ угнетающемъ, безысходномъ горѣ? Кто примирить сердце болѣзненное о погибшихъ, близкихъ съ исканіями правды, жизни, счастья въ ней? Кто сохранить надежду, поддержать любовь къ жизни и ко всему только что бывшему дорогимъ? Подъ вліяніемъ всей этой туги душевной невольно и естественно пришлось и приходится вспомнить и все то, съ чѣмъ уже свыклись было и что тривыкли считать неизбѣжнымъ послѣдствіемъ «эволюціи» всей жизни подъ вліяніемъ просвѣщенія,

и всему этому тоже произвести оцѣнку. Семейная жизнь, существованіе различныхъ теченій въ общественной жизни (соціалистическихъ и анархическихъ), государственный бытъ, ответственность гражданъ предъ законами, такъ называемая личная нравственность, — все это встало предъ умственными очами современнаго, въ трепетѣ душевномъ стоящаго предъ развертывающимся будущимъ человѣчества. И очищенные страданіями и разочарованіями умъ и сердце видятъ теперь, какъ много зла, порока, все и вся разъѣдающаго грѣха вторглось въ жизнь людскую, какъ всѣми этими врагами истиннаго человѣческаго просвѣщенія постепенно, но настойчиво жизнь человѣка удалялась отъ правильнаго пути совершенствованія, какъ именно эти враги всѣ дѣйствительно великіе успѣхи ума человѣческаго въ области изобрѣтеній превратили въ орудіе для увеличенія зла и страданій людскихъ, униженія нравственнаго достоинства самого же человѣка...

Еп. Макарій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Защита ученія о непорочномъ зачатіи у современнаго католическаго богослова ¹⁾.

Прибѣгаетъ, наконецъ, г. Забужный и къ православнымъ богослужебнымъ книгамъ, стараясь найти въ нихъ указаніе на ученіе о непорочномъ зачатіи. Безнадежная попытка! Неужели православная Церковь, создавшая эти книги и сколько лѣтъ пользующаяся ими, не замѣтила до сихъ поръ, что въ нихъ есть ученіе о непорочномъ зачатіи, и ждала того времени, пока кто-нибудь, пришедъ отъгинудѣ, не укажетъ ей на это? И дѣйствительно, гдѣ же хотя

малѣйшій намекъ на непорочное зачатіе въ приведенныхъ г. Забужнымъ словахъ изъ богослуженія 9 сентября: «Спасеніе всего начальницы, блаженнѣйшій Іоакимъ и Анна славная чистую и непорочную и пречистую Богородицу родаша... Яко отъ солища солнце и отъ луны луна, отъ Анны и Іоакима всенепорочная Отроковица родися и просвѣти міра концы Своими сіяніемъ». Кромѣ обычныхъ эпитетовъ, указывающихъ лишь на приснодѣвство Богоматери и свободу Ея отъ произвольныхъ грѣховъ, здѣсь своеобразно лишь сравненіе Богоматери съ солнцемъ и луной, но въѣдъ и Іоакимъ сравнивается здѣсь съ солнцемъ, и Анна съ луной. Что же, значитъ, и о нихъ дается мысль, что они зачаты непорочно?

Если Богоматерь называется «непорочною», то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что бы она и зачата была непорочно. «Непорочными» или въ латинскомъ текствѣ *immaculatos* апостоль Павелъ называетъ и вѣрующихъ колоссянъ (Кол. 1, 2), но, конечно, зачатыми непорочно онъ ихъ не считалъ.

Непонятно также, въ чемъ именно видитъ г. Забужный указаніе на непорочное зачатіе, приводя слова: «Ты едина во всѣхъ родѣхъ, Дѣва пречистая, Мати Божія показалася еси. Ты Божества была еси обиталище, всенепорочная» (13 сент.) или «Тя честно ублажаемъ, едину чистую и нескверную» (15 августа на утрени) или «Порока въ Тебѣ и скверны нѣсть отнюдь, Дѣво, обиталище паче явилися еси небесныхъ благостей, въ Тебѣ бо вселися добродѣтели вся святыня, всенепорочная» (13 ноября). Все это опять говоритъ лишь о святости и приснодѣвствѣ Богоматери, а вовсе не о непорочномъ зачатіи.

Повидимому, подтверждаютъ католическое ученіе слова сѣдальна изъ 3 пѣсни Евангелія на 9 декабря: «Ея же святое почтимъ зачатіе». Г. Забужный печатаетъ даже эти слова курсивомъ. Но терминъ «святой» вовсе не включаетъ въ себя непре-

¹⁾ Окончаніе. См. № 48 «Церк. Вѣд.» с. г.

смотришь на количественную и качественную скудость нашего пастырства, на душѣ и больно и страшно станеть. Одинъ почтенный профессор богословія сѣтуеть: «Посмотрю я на нашу соломенную Русь, какъ горить она въ лѣтнюю жаркую пору: иногда вся деревня вспыхнетъ и ни одного пожарнаго насоса. Посмотрю я на нашу Святую Русь, какъ она съ ея духовнымъ добромъ, накопившимся вѣками, горить и сгораетъ въ раздуваемомъ пламени невѣрія, суетвѣрія и нечестія и будто вѣтъ никого противодѣйствующаго». (Церк. Вѣд. 1913 г. № 38). Этотъ вопль вѣрующей и народолюбивой души раздается отовсюду и устно и печатно. Не въ укоръ ли намъ? Не жалобой ли на насъ несется онъ къ небу? Если въ васъ, какъ говорилъ некогда знаменитый русскій іерархъ Никаноръ, архіепископъ Херсонскій, въ бытность ректоромъ Казанской академіи, студентамъ ея при вступленіи въ жизнь, если «ни одного атома въ вашемъ организмѣ нѣтъ, который не былъ бы церковнымъ и не принадлежалъ бы Церкви, какъ собственность, купленная цѣною», если вы куплены потомъ и кровью темнаго православнаго русскаго люда на его жертвенные гроши, которые онъ несетъ въ храмъ Божій (т. III, стр. 122—123), ища тамъ покоя, свѣта и указанія путей спасенія, то совѣти вашей должны быть видны руки этого люда, къ вамъ простертыя, и долженъ быть слышенъ его молитвенный зовъ, къ вамъ же обращенный: *приди и помоги намъ* (Сн. Дѣян. 16, 9). *Ты убо, духовный юноша, снарядивъ себя духовнымъ оружіемъ и уготовавъ на брань душу твою, иди и злопостражди, яко добръ воинъ Христовъ.*

Святитель Иннокентій Иркутскій, свѣтлыиъ Церкви пресвѣтлыиъ и воинъ Христовъ предобрый, а нашъ съ вами учитель, да просвѣтитъ умы ваши къ разумнѣио величія и красоты подвига борьбы за душу человѣческую, да согрѣетъ сердца ваши любовью къ Господу Іисусу, Который Самъ пришелъ и васъ зоветъ спасать души

человѣческія, да укрѣпитъ волю вашу мужествомъ на брань Христову и да озаритъ путь жизни вашей. Аминь.

Ректоръ семинаріи, протоіерей Матей
Архангельскій.

ВНИМАЙТЕ СЕБѢ И СВОЕМУ СТАДУ ¹⁾.

VII.

Взволнованное страшною войною до глубины души все мыслящее современное человечество обратило свои взоры туда, откуда оно единственно можетъ получить всеразрѣшающій отвѣтъ на свои недоумѣнные вопросы, исканія и желанія.

На западѣ, даже во Франціи, гдѣ въ послѣднее десятилѣтіе шла безпримѣрная и ожесточенная борьба съ католическою церковію, гдѣ вопросы о нравственности и въ теоріи и на практикѣ давно уже разрѣшились въ духѣ «безусловной свободы и естественныхъ правъ человѣка»,—мысли и чувства лучшей части населенія направились къ христіанству, къ церкви, къ молитвѣ, ко всему, что имѣетъ религіозный и церковный характеръ. Послышались голоса авторитетныхъ въ наукѣ людей, осуждающіе односторонность современнаго просвѣщенія, гибельность исключительнаго водительства разумомъ человѣческимъ и отрицанія религіозныхъ началъ въ воспитаніи, въ жизни. Все яснѣе и яснѣ слышится призывъ вернуться къ церкви, вернуть послѣдней вырванное уже нерѣдко насиліемъ вліяніе на школу,—призывъ къ Богу и Его заповѣдямъ. И такіе призывы все съ большимъ и большимъ вниманіемъ выслушиваются и за ними начинаютъ идти.

Въ той же, если еще не большей степени война со всѣми ея ужасами отразилась и на нашей русской жизни. Не смотря на значительную, если можно такъ выра-

¹⁾ Продолженіе. См. № 49 «Церк. Вѣд.».

зится, удаленность массы нашего народа, вълѣдствіе слабаго развитія вѣжности среди нея, отъ газетъ, журналовъ и вообще литературныхъ источниковъ освѣдомленія о совершающихся событіяхъ, война не только такъ сказать существомъ своимъ, но и частностями, даже мелкими явленіями, на ея почвѣ выросшими, захватила сознание общенародное, оказала и оказываетъ давленіе на него и вызываетъ соответствующія настроенія среди всего населенія. Русская земля не въ примѣръ другимъ слишкомъ много пережила разрушительныхъ и страшныхъ вихрей, вздымаемыхъ столкновениями народныхъ массъ: среди бури, огня и разоренія она не разъ становилась предъ лицомъ самаго страшнаго вопроса о жизни и смерти. Въмѣстѣ съ этимъ народъ, такъ много перенесшій въ теченіи своего болѣе чѣмъ тысячелѣтнаго существованія, не разъ испыталъ на себѣ самомъ, гдѣ нужно искать спасенія отъ гибели, изъ какого источника слѣдуетъ черпать необходимыя силы, чтобы не растеряться среди бѣдъ, чтобы не остаться безъ надеждъ на будущее. Естественно поэтому, что нынѣшняя мировая война, поставившая тѣ же вопросы о жизни и смерти народовъ, цѣлой группы народовъ и именно славянскихъ, необыкновенно рѣзко своими явленіями подчеркнувшая особенности мировоззрѣній и основныхъ началъ жизни русскаго народа, съ одной стороны, и западно-европейскихъ—съ другой, поставила большинство, и именно лучшую, наиболѣе живую часть нашего народа среди постигшихъ испытаній обратить свои взоры туда же, гдѣ и въ былыя времена страждущій русскій народъ находилъ и утѣшеніе и объясненіе совершающагося. А такъ какъ со временъ послѣднихъ наиболѣе сильныхъ испытаній (именно во времена Наполеоновскихъ войнъ) среди русскаго народа произошли значительныя внутреннія видоизмѣненія жизни, еще болѣе углубившія пропасть между исконнымъ русскимъ бытомъ и тѣмъ наноснымъ, ко-

торый сталъ у насъ укрѣпляться послѣ Петра Великаго, то война и сопровождающіе ея ужасы особенно ярко поставили предъ сознаніемъ мыслящихъ и наблюдательныхъ людей все и доброе, что еще сохраняется въ нашей жизни, и все дурное, чуждое, что принесено и приносится къ намъ съ чуждыхъ береговъ общечеловѣческой жизни.

Война и вызванный ею горе обратили прежде всего и болѣе всего взоры наши къ вѣрѣ Христовой, къ церкви Божіей. Какъ и прежде, такъ и теперь русскіе люди, еще окончательно не охладѣвшіе сердцемъ въ чуждой не-русской духовной жизни, въ войнѣ и ея ужасахъ видятъ карающій за грѣхи людскіе перстъ Божій. Всѣми, у кого еще сохранилась хотя бы и въ малой степеніи вѣра, сознается, что иной по своему характеру война и не могла и не можетъ быть, что она неизбежно должна была возникнуть именно между наиболѣе просвѣщенными народами. Ибо то самое существенное въ духовной жизни человѣка, что душу и сердце людское вышаетъ, облагораживаетъ и укрѣпляетъ въ нихъ образъ Божій и подобіе,—именно вѣра Христова и жизнь по вѣрѣ, почти было изгнано изъ мировоззрѣнія большинства народовъ, ибо въ основу жизни поставлено было все то, что всегда ожесточало людей, разъединяло ихъ и возбуждало непримиримую вражду и соперничество. Гордость, зависть, погоня исключительно за матеріальными богатствами, преклоненіе, доходящее до идолопоклонства, предъ *всемилымъ* умомъ человѣческимъ и создаваемымъ имъ внѣшнимъ могуществомъ того или другого народа,—все это не могло не вызвать кровопролитія, не могло не вызвать и тѣхъ жестокостей, отъ которыхъ само же человѣчество содрогнулось. Забыли Бога. Исполнилось и пророческое и поучительное слово псалмопѣвца—*рече безумныхъ въ сердцѣ своемъ—нѣтъ Богъ,—растлиша и омерзѣлиа вся начинанія его. Нѣтъ* Бога, нѣтъ вѣры, нѣтъ и нравственнаго

закона, обязательнаго для всѣхъ, нѣтъ и любви къ людямъ, нѣтъ и грѣха. Какая же послѣ этого можетъ быть разница или противоположеніе между человѣкомъ и звѣремъ? Къ Господу Богу, къ Нему—источнику правды и милости,—туда—къ небесамъ нужно взоры ума и чаянія сердца направить въ эти дни тяжкихъ испытаній. Не нужно было увлекаться до самозабвенія западомъ, нужно было возможно чаще и серьезнѣе вспоминать и изучать жизнь своего народа. Нужно во избѣжаніе гибели всѣхъ духовныхъ народныхъ сокровищъ обратить особенное вниманіе на воспитаніе подроставшихъ поколѣній въ духѣ вѣры Христовой, въ подчиненіи велепіямъ и указаніямъ церкви Божіей, православной. Всѣ силы нужно сосредоточить на воспитаніи дѣтей, на устраниеніи всѣхъ соблазновъ, идущихъ и изъ самой жизни, и изъ литературы, и даже изъ науки. Такъ или почти такъ заговорили многіе и многіе русскіе люди. Къ церкви и черезъ нея къ Господу потянулись молитвенно поднимаемые руки даже и тѣхъ людей, которые до наступившаго грознаго часа о Богѣ и о церкви очень мало и рѣдко думали. Вотъ почему—теперь, по общему отзыву, храмы полны молящимися. Вотъ почему теперь имя Божіа все чаще и чаще появляется на устахъ.

Люди такъ называемой философской складки, даже тѣ изъ нихъ, которые въ западно-европейскомъ просвѣщеніи видѣли начало и коонецъ всѣхъ лучшихъ упованій человѣчества, точно такъ же, какъ многіе и на западѣ, все тверже и тверже ставятъ предъ собою вопросы—а дѣйствительно ли западно-европейское просвѣщеніе отличалось и отличается полнотою всѣхъ необходимыхъ основъ для разумной истинно-нравственной жизни человѣчества? И разочарованіе въ безусловной значимости всѣхъ приобретений человѣческаго гениа, совершенныхъ имъ въ послѣднія столѣтія, начинается все болѣе и болѣе закрадываясь въ души людей, ищущихъ въ жизни и

для жизни духа дѣйствительно прочныхъ и всеобъемлющихъ основъ. Если еще въ не очень давнее время подъ давленіемъ торжествующей якобы науки многіе *боялись, стѣснялись, стыдились* открыто говорить о религіи, о вѣрѣ, о нравственности, о церкви,—то теперь эти предметы почти не сходятъ и съ устъ и со страницъ писаній серьезно мыслящихъ людей. Нельзя не отмѣтить, что даже наши извѣстные *богоискатели* какъ-то въ своихъ исканіяхъ пріумолкли; наши литературные циники и развратители молодежи тоже пріутихли и не слышно почти совсѣмъ тѣхъ безудержно ищущихъ и наслаждающихся грязью и заборками человѣческой жизни, которые еще такъ недавно гордились и славились именно этою со всѣхъ сторонъ налипшею на нихъ грязью и распространяемымъ ими нравственнымъ зловоніемъ. Если и теперь можно говорить, что богоискательство у насъ еще не прекратилось, то, конечно, объ этомъ можно и должно говорить только въ смыслѣ истиннаго исканія Бога, о которомъ въ вихрѣ матеріалистическихъ увлеченій забыли было.

Война обратила взоры и вниманіе русскихъ людей и къ другимъ вопросамъ нашей жизни. И то, надъ чѣмъ чуть ли не вчера каждый нашъ такъ называемый интеллигентъ считалъ своимъ долгомъ только смѣяться и выставять признакомъ *ужасной* отсталости, теперь уже стало приниматься много иначе. Любовь къ отечеству (патріотизмъ), любовь къ своему народу (націонализмъ), внимательное отношеніе къ прошлымъ судьбамъ русскаго государства, стремленіе изучать эти судьбы, все это теперь стало предметомъ думъ всѣхъ тѣхъ русскихъ образованныхъ людей, которые волею или неволею подчинялись вліянію вѣка сего и въ чуждыхъ источникахъ жизни искали для себя и для своего народа живительной влаги, которые, если и заблуждались, то добросердечно. Даже болѣе. Люди окончательно оторвавшиеся духомъ и совѣстію отъ русскаго

своего народа и отлаившіе всё свои силы на служеніе интересамъ чуждыхъ народовъ и народностей и на разореніе всёхъ устоевъ русской жизни, привыкшіе мыслить и поступать всегда и вездѣ въ духѣ исключительной вражды къ своей русской исторіи,—даже эти люди, быть можетъ и съ неудовольствіемъ, говорятъ нынѣ о патриотизмѣ. Если ихъ рѣчь и отливаетъ всіми двѣтами лицемѣрія и даже несомнѣннаго іезуитизма и предательства, то тѣмъ болѣе ихъ современный языкъ долженъ служить показателемъ той перемѣны въ сознаниіи и въ воззрѣніяхъ нашего образованнаго общества, которая произошла несомнѣнно подѣ вліаніемъ войны. Почему же эта перемѣна наступила и почему она выразилась именно въ наблюдаемой нынѣ у насъ повсемѣстно формѣ? Очевидно потому въ сознаниіи русскихъ людей воскресли,—даже помимо ихъ воли,—воспоминанія о тѣхъ силахъ духовныхъ, которыя спасали русскій народъ въ былыя времена, но которыя на горе народа въ послѣднее время были почти забыты или даже злобно отвергаемы,—что онѣ, именно эти духовныя силы созидали и создали, спасали и спасли Русь въ дни былыхъ тяжкихъ [испытаній. Очевидно, подѣ нажимомъ грозныхъ явленій, проступившихъ во всёхъ областяхъ жизни человечества, наносный слой на нашей духовной и религиозно-нравственной жизни сдѣлался и сметается и подѣ нимъ обнаруживается все болѣе и болѣе дѣйствительная и истинно цѣнная основа нашего историческаго бытія. Такъ—лучшіе металлы очищаются огнемъ и познаются черезъ огонь.

Насколько дѣйствителенъ и важенъ переломъ въ міровоззрѣніи и чувствахъ нашего образованнаго общества, можно видѣть и изъ того, какъ нынѣ большинство этого общества относится къ отрицательнымъ явленіямъ нашей жизни:

Несомнѣнно, война особенно рѣзко выставила на показъ эти явленія. Они стали таковыми тѣнями жизни, которыя невольно

останавливаютъ на себѣ вниманіе. И обществу стало до болѣзненности чуткимъ даже къ довольно слабымъ проявленіямъ существовавшаго у насъ зла. Больно видѣть и потому вызываетъ открытое осужденіе пробивающееся по мѣстамъ невѣріе, нравственная распущенность; такъ или иначе выражающееся колебаніе или недостаточная ревность въ служеніи государственнымъ интересамъ [и народу подвергаются немедленному и жестокому разслѣдованію и выставленію у позорнаго столба. Но особенно темнымъ пятномъ въ текущей нашей жизни является дѣятельность тѣхъ лицъ, которыя до сего времени встрѣчали даже одобреніе.

Непрекращающаяся борьба политическихъ партій, своекорыстные стремленія нѣкоторыхъ изъ нихъ использовать затруднительное положеніе государства для цѣлей той или другой политической организаци, стремленія нѣкоторыхъ сословій и классовъ населенія тяготами народной жизни и неизбежными несовершенствами въ управленіи тѣми или другими отраслями государственной жизни воспользоваться или для самовозвышенія или прямо для обогащенія,—все это особенно больно отзывается въ народномъ сознаниіи. Даже такіе вопросы нашей церковно-государственной жизни, какъ сектантство, приобрѣли иной, чѣмъ прежде, характеръ. Свобода вѣроисповѣданія, покровительство, оказывавшееся до сего времени сектантамъ всёхъ видовъ и разрядовъ со стороны либеральнаго мыслящаго русскаго общества, въ настоящее время уже осуждается или по крайней мѣрѣ ограничивается. Но конечно происшедшая и все болѣе и болѣе развивающаяся въ обществѣ перемѣна взглядовъ и намѣреній не могла и не можетъ уничтожить темныхъ сторонъ нашей жизни. Она только рѣзче выдѣляетъ ихъ въ общей картинѣ современной нашей жизни и дѣятельности и тѣмъ самымъ указываетъ, на какія именно стороны необходимо обратить особенно серьезное вниманіе и что болѣе

всего мѣшаетъ полнотѣ нашего обновленія и духовнаго, и общественнаго, и государственнаго.

VIII.

Нельзя пройти молчаніемъ и того, что война вызвала къ жизни и нѣкоторыя новыя явленія, которыя ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть признаны полезными для дальнѣйшаго развитія народной жизни. Конечно, эти явленія не сейчасъ только народились. Корень ихъ тоже въ прошломъ,—но они теперь получили очевидно надлежащую для своей жизнеспособности обстановку. Къ числу такихъ явленій послѣдняго времени нужно отнести весьма характерныя выступленія нашего торгово-промышленнаго класса. Взлелѣанный и вскормленный излишнимъ покровительствомъ правительства, до сего времени исключительно жившій самыми щедрыми подачками за счетъ народнаго благосостоянія (въ видѣ покровительственныхъ пошлинъ и разныхъ «субсидій»),—этотъ классъ населенія, когда въ немъ оказалась государственная нужда, явился предъ лицомъ народа и совершенно неспособнымъ безъ той же правительственной поддержки къ какой либо организованной и плодоносящей дѣятельности, и въ то же время необыкновенно притязательнымъ какъ относительно своихъ государственныхъ правъ, такъ и относительно народнаго благосостоянія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ—именно наше купечество, вкусившее отъ плодовъ западноевропейскаго просвѣщенія, въ отношеніи къ церкви проявляло и проявляетъ крайне (въ большинствѣ случаевъ) отрицательныя взгляды. Прошлое его, полное тьмы и разнуданности, дикаго самодурства и лѣни, ничего не давало для духовнаго богатства народа, ложилось тяжелымъ бременемъ и на промышленность. Нынѣшнее положеніе духовно-нравственное того же торгово-промышленнаго нашего класса, въ существѣ своемъ не далеко ушедшее отъ прежняго,

становится все болѣе и болѣе угрожающимъ для блага народнаго. Не воспитавши въ себѣ навыка къ самостоятельному и плодотворному труду, этотъ нашъ классъ населенія съ легкимъ сердцемъ отдавалъ и отдаетъ всю экономическую и промышленную жизнь народа въ кабалу инородцамъ и иностранцамъ. Неподвижность его въ его же родномъ, такъ сказать, дѣлѣ достигла самыхъ крайнихъ предѣловъ, и потому нынѣ, когда вслѣдствіе тяжелыхъ военныхъ испытаній приходится и государству и обществу напрягать всѣ экономическія и промышленныя силы, русскій народъ оказался въ крайней опасности не только теперь, но и въ будущемъ остаться въ плѣну чуждыхъ экономическихъ силъ. Не уразумѣвая ни своего дѣйствительнаго положенія въ ряду другихъ народныхъ силъ, ни того, что усвоено поверхностно съ запада, ни грядущаго будущаго, наши торгово-промышленники выступаютъ и для себя и для чуждыхъ народу русскому элементовъ съ невѣроятно преувеличенными требованіями правъ, явно опасныхъ и для государства и для блага народныхъ массъ. Одновременно съ этимъ изъ рядовъ именно этого класса вышли и выходятъ нынѣ всѣ тѣ, кто какъ бы радуется стѣсненному положенію государства, прилагаетъ всѣ усилія къ личной наживѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшитъ проявить все тѣ-же прежнія свои наклонности къ безразсудному, нынѣ тѣмъ болѣе обидному для народнаго самосознанія мотовству и щегольству. Очевидно, здѣсь кроется такъ много отрицательнаго какъ для нашей современности, такъ и для будущности русскаго государства, что требуются всѣ усилія лучшихъ благородныхъ силъ народныхъ для предотвращения возможныхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и неизбежныхъ послѣдствій уродливаго направленія во всѣхъ отношеніяхъ духовно-нравственной жизни нашего торгово-промышленнаго класса. Люди внимательные на примѣрѣ этого класса могутъ во очію

видѣть, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ поверхностность образованія и рабочее преклоненіе предъ чужими словами и дѣлами.

Потомъ нѣкоторые виды сектантства, для иныхъ всегда бывшіе подозрительными и опасными не только для церкви и вѣрваній народныхъ, но и для безопасности государства, во время войны явились предъ лицомъ всей Россіи явно противогосударственными и провинциальными. Наконецъ, и нѣкоторыя политическія партіи, для многихъ казавшіяся не опасными для политической самобытности и независимости русскаго народа и только неумѣренно и рѣзко стремящіяся выразить свои искреннія стремленія къ насажденію блага въ народѣ и для народа, въ настоящее время явили свое настоящее лицо: почти для всѣхъ стало понятнымъ, что если эти партіи даже во время такой войны, какъ настоящая, не останавливаются предъ разговорами, предъ призывами народа и особенно рабочихъ къ бунту и забастовкамъ, предъ злобною борьбою съ правительствомъ,—то ясно, что эти партіи не народное благо преслѣдуютъ и даже не свой временный успѣхъ и не торжество своихъ на показъ выставляемыхъ стремленій и началъ жизни, а ради тѣхъ или иныхъ, во всякомъ случаѣ низкихъ цѣлей, гибель и рабство русскаго народа, подчиненіе его другимъ народамъ или народностямъ, расчлененіе русскаго государства; въ лучшемъ случаѣ—эти партіи—больные наросты на живомъ тѣлѣ просвѣщеннаго человечества, служившіе и служащіе очагами всеразлагающей заразы.

Особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ современное положеніе крестьянства и рабочихъ. Горе, конечно, особенно широко разлилось именно среди крестьянскаго и рабочаго міра. Вызывается оно какъ уходомъ на войну множества молодежи, такъ и крайнимъ сокращеніемъ рабочихъ рукъ, а въ рабочемъ мірѣ и все болѣе и болѣе увеличивающагося дороговизною. Естественно,

что все совершающееся въ мірѣ и все вызываемое войной, особенно же длительность и крайняя разорительность послѣдней налагаетъ на всю жизнь народную особый отпечатокъ. На ряду съ проявленіями того же все болѣе и болѣе усиливающагося религіознаго настроенія въ средѣ народной становится замѣтнымъ кое-что и другое, на что до сего времени, къ сожалѣнію, почти не обращали мы вниманія. Возникновенію новыхъ явленій самымъ рѣшительнымъ образомъ способствовало запрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ. Благотворное вліяніе этого запрещенія сказалось такъ ярко, что никто не можетъ не видѣть замѣтнаго улучшенія жизни народной. Не смотря на экономическое стѣсненіе государства и всѣхъ слоевъ населенія, вызванное повсемѣстной войной, матеріальное положеніе крестьянства и рабочихъ въ значительной степени поднялось; порочность и преступность рѣзко пали; жизнь въ селеніяхъ и на фабрикахъ стала спокойнѣе; семья стала прочнѣе и явно для всѣхъ избавилась въ значительной степени отъ безурядицы, отъ которой такъ она страдала и матеріально и нравственно. Все это ведетъ къ наростанію и болѣе ясному формированію высшихъ духовныхъ запросовъ народа. И вотъ тутъ-то предъ нами выясняется все болѣе и болѣе то небреженіе, съ какимъ мы относились къ дѣлу удовлетворенія духовныхъ потребностей народа, а съ другой—выясняются и возможные опасности для народа, начинающаго усиленно вдумываться въ смыслъ совершающихся событій и домогаться возможно широкаго удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей. И прежде у народа было много свободнаго времени, но оно какъ-то для большинства проходило незамѣтно. А теперь это изобиліе свободнаго времени прямо какъ-то давить, ибо его нельзя уже заполнить бражничаньемъ. Не привыкшіи къ умственному труду и избѣрившіи теченіе времени, особенно зимой, праздничными днями или такими событіями въ жизни,

какъ браги, крестины или даже похороны, когда можно было бы на нѣкоемъ законномъ, во всякомъ случаѣ достаточно въ глѣзахъ другихъ оправдывающемъ основаніи провести каждый разъ нѣсколько дней въ полубезсознательномъ состояніи, — теперь въ большинствѣ своемъ народъ, не имѣя возможности одурманиваться, томится бездѣятельностію и пустотою незаполненныхъ ничѣмъ, хотя бы даже какою-либо отравляющею дѣятельностію, — дней, недѣль и мѣсяцевъ. Всегда падкій на разнаго рода вѣсти, сказанія, особенно же церковнаго и релігіознаго характера, а въ послѣднее время вслѣдствіе искусственнаго и искуснаго вовлеченія довольно значительной части его и особенно — почти поголовно рабочихъ въ область разныхъ социалистическихъ бредней, народъ и подъ вліяніемъ томленія незанятаго ничѣмъ духа и подъ воздѣйствіемъ чрезвычайныхъ событій можетъ очень легко быть увлеченнымъ на такіе пути удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей, которые будутъ одинаково вредно удалять его отъ Церкви и отъ государства. Въ настоящее время замѣтно народъ интересуется и школой, и бібліотекой, и газетой. Все болѣе и болѣе развивающіеся такъ называемые кооперативы вводятъ народную мысль въ область новыхъ экономическихъ отношеній и дѣятельности. Участіе въ выборахъ въ Государственную Думу и въ дѣятельности послѣдней быстро расширяетъ кругъ народныхъ понятій. Улучшающееся экономическое благосостояніе создаетъ возможность довольно широкаго удовлетворенія возникающихъ потребностей. Все это, говоримъ, говоритъ намъ, что мы стоимъ передъ міромъ, цѣлымъ міромъ новыхъ явленій и разнообразныхъ возможностей. Все это вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ намъ и о томъ, какъ мало мы сдѣлали для того, чтобы предъ растущими все болѣе и болѣе новыми явленіями мы могли встать и стоять во всеоружіи подготовленности, разумно и съ несомнѣнной пользой для народной души.

Особенно же печально положеніе рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Они въ огромномъ своемъ большинствѣ предоставлены исключительно вліянію тѣхъ благодѣтелей человѣчества, которые, рѣшительно отвергнувъ христіанство, остановились на одномъ только средствѣ улучшенія условий человѣческой жизни — именно — на всеобщемъ разрушеніи посредствомъ огня и меча. Слабо огражденные высшею духовною оградой, живущіе среди непрестаннаго грохота машинъ и въ непрерывномъ трудѣ, безъ разумныхъ и возвышающихъ умъ и сердце человѣческое развлеченій, чаще всего безъ всякаго умственнаго труда и, что особенно печально, вдали отъ храма, среди постоянного соблазна грѣховнаго, — они, рабочіе, очень легко поэтому поддаются вліянію фанатиковъ-соціалистовъ и постепенно превращаются въ послушное стадо негласныхъ, но всеильныхъ среди нихъ руководителей. Вотъ почему здѣсь царство грубости, безпредѣльной иногда жестокости, царство неприкрываемаго грѣха, царство болѣзней физическихъ и какого-то озлобленія противъ Церкви и всего духовнаго. Съ грустью нужно признать, что рабочій міръ, нынѣ все болѣе и болѣе увеличивающійся, оставленъ былъ православнымъ паствырствомъ почти безъ всякаго заботливаго вниманія, и онъ теперь оказался окруженнымъ плотною стѣною хищныхъ и губящихъ волковъ.

Еп. Макарій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Празднованіе 50 - лѣтія Высочайше утвержденной Комиссіи по описанію Архива Святѣйшаго Синода.

Съ благословенія Святѣйшаго Синода празднованіе 50-лѣтняго юбилея Комиссіи совершилось не въ самый день юбилея, 6 декабря, а на другой день.

7 декабря въ часъ дня, въ Синодаль-

ждая, что человѣкъ рождается во грѣхѣ. Итакъ, въ области нравственныхъ воззрѣній не стоятъ ли предъ нами ясно пережитки язычества повсюду? Нужно ли говорить, что прославляемое нынѣ себялюбіе, какъ «здоровая основа» жизни и, даже по Толстому, «естественное», слѣдовательно, законное явленіе, и вытекающія отсюда слѣдствія: чувственность въ области жизни тѣла и гордыня въ области духа,—нужно ли говорить, что все это есть цѣликомъ возстановленное языческое воззрѣніе?

И если такъ, если гордыня пропитываетъ всё современныя «добродѣтели», то развѣ не въ правѣ мы назвать ихъ съ христіанской точки зрѣнія тѣмъ, чѣмъ называлъ ихъ глубокой мыслитель блаженный Августинъ: блестящими пороками? Здѣсь и вырастаетъ та нравственная самоувѣренность, то преклоненіе предъ своею «честностью», «корректностью», соответствіемъ «общественной этикѣ»,—все то, что такъ ходитъ и мертвитъ теперь жизнь, опустошаетъ душу и служить предвѣстникомъ какой то міровой катастрофы, нравственнаго вырожденія, печальной и устрашающей образъ котораго мы видимъ теперь въ лицѣ Вильгельма и его тевтонскихъ полчищъ, этихъ поистинѣ «образованныхъ варваровъ»...

Всѣ сознаютъ, что современная война во многомъ насъ разочаровала, много върваній и воззрѣній поколебала, многому научила. Однако, сильно еще язычество въ нравственныхъ воззрѣніяхъ современности, если и доселѣ мы не понимаемъ, что не одна «общественная дезорганизация» и техническая отсталость являются предметами заботливости нашей послѣ уроковъ настоящей страшной войны. Мы еще—язычники, если въ общественной жизни будемъ и желаемъ умножать только матеріальныя цѣнности и организацию, а не духовныя цѣнности прежде всего и выше всего, какъ первенство и смыслъ всякихъ иныхъ пріобрѣтеній жизни. Мы еще язычники, если государству не поставляемъ нравственныхъ

христіанскихъ задачъ и сводимъ его, подобно древнему Риму или современной Германіи, только къ силѣ и насилію.

Итакъ, умертвите земныя члены ваши, скажемъ мы словами апостола. Пересмотрите,—будьте внимательны, будьте осторожны,—пересмотрите ваши воззрѣнія вы, образованные люди, вы, руководители жизни, вы, дѣятели семьи, школы, общества, государства,—и выбросьте все то, что было у древнихъ язычниковъ: выйдите изъ среды ихъ и къ нечистотѣ не прикасайтесь. Какъ бы мы ни смотрѣли на христіанство, все же отъ его свѣта возвращаться во тьму издохшаго язычества—плохой прогрессъ! Сія есть побѣда, побѣдившая міръ вѣра наша! (1 Иоанн. V, 4). Аминь.

Прот. І. Восторговъ.

ВНИМАЙТЕ СЕБѢ И СВОЕМУ СТАДУ ¹⁾.

IX.

Неложно слово Богооткровеннаго ученія, и его нужно всегда помнить. Особенно же теперь. Дни лукавы, и весь міръ ходитъ среди страшныхъ опасностей. Остолпила сила вражья, и почти не стало слышно слова Божія и ученія и наставленія учителей, наставниковъ и пастырей. Замкнулся было кругъ человѣческаго вѣдѣнія и дѣланія предѣлами одной только земли, одной только цѣли земного благополучія. Но вотъ раздался страшный ударъ грома Божія, раздался онъ надъ главою человѣчества, и молніи испытаній, ниспосылаемыхъ Господомъ Богомъ, прорѣзали сгущившую тьму человѣческой гордыни, освѣтили для многихъ въ мгновение ока все добро и зло текущей человѣческой жизни. Лукавство дней обнаруживается все болѣе и болѣе, опасности хожденія людей въ мірѣ семъ обнажаются все яснѣе. Остается ожидать, что вслѣдъ за этимъ

¹⁾ Продолженіе. См. № 50 «Церк. Вѣд.»

явятся и необходимая мудрость, и необходимыя нравственныя силы для борьбы со зломъ и для насажденія и укрѣпленія добра.

Неволью взоры всего православнаго міра обращаются къ православному же пастырству. И уста сами собою говорятъ: внимайте пастыри душъ человѣческихъ, себѣ, внимайте и врученному вамъ стаду. Внимайте, съ тѣмъ большимъ усердіемъ и напряженностію мысли и чувства, что настали времена и тяжкія, и въ то же время благоприятныя для сѣянія сѣмянъ добра, настало во всей и для всѣхъ ясности страдное время. Поле для сѣянія — обширно, нужны мудрыя, искусныя сѣятели. А сѣмя давнымъ-давно дано. Берите его съ усердіемъ и щедрою дланью, со тщаніемъ разсѣивайте. Почва—души людскія насыщены влагою; горе, скорби, лишения, сомнѣнія, разочарованія,—все вмѣстѣ раскрыло сердце человѣческое, очи и уши духовныя къ воспріятію добраго наученія.

Внимайте же себѣ. Это прежде всего и больше всего. Нужно провѣрить свои богатства духовныя, нужно заботливо заглянуть въ тайники души своей и осмотрѣть, нѣтъ ли нищеты въ ней, нѣтъ ли оскудѣнія тѣхъ даровъ духовной жизни, безъ которой невозможна никакая дѣятельность на нивѣ Господней. Вслушайтесь въ голосъ суровой и страшной современности. Призовите на память и былые дни великихъ испытаній, ниспосылавшихся Господомъ на люди Своя. И услышите, и увидите въ этой общемировой скорби, среди всѣхъ этихъ тяжелыхъ переживаній именно то, что всего важнѣе для пастыря-сѣятеля, для руководителя духовной жизни людей. Вспоминаются слова Пилата, тоже вѣдь вырвавшіяся во времена всеобщаго разложенія, великихъ сомнѣній и исканій,— слова, обращенныя къ Спасителю: *что есть истина?* Господь не далъ словеснаго въ тотъ же часъ отвѣта вопрошателя, не вѣрующему, что есть на свѣтѣ кака-либо непоколебимая и вѣчная истина, но въ

то же время, какъ и весь изнывающій отъ грѣха и невѣрія міръ, неволью искавшему и жаждавшему этой истины. Для насъ, для всѣхъ людей эта истина дана, она открыта, она извѣстна. Но люди вслѣдствіе своей грѣбности нерѣдко забываютъ ее, затмеваютъ ее своими измышленіями и въ концѣ концовъ затериваютъ это сокровище, и затерявши, сами теряются въ лабиринтѣ житейской суеты и среди созданныхъ вольнымъ разумомъ разнообразныхъ и неопредѣленныхъ путей. Оказывается, теперь, какъ не разъ прежде,— что какъ бы люди много ни приобрѣли знаній и вещественныхъ богатствъ, какъ бы, повидимому, ни улучшалась жизнь во всѣхъ ея областяхъ,—все превращается въ суету, все обезцѣняется, если это все, иногда съ величайшимъ трудомъ и страданіями приобрѣтенное, не омолодотворено словомъ Божиимъ, не приукрашено дарами Духа Святаго, если надъ всѣмъ этимъ не царитъ и не руководитъ вѣчная истина. Оказывается,—велика, увлекателенъ міръ внѣшнихъ явленій, и въ немъ много пищи и для духовной жизни человѣка. Но неизмѣримо выше, обильнѣе по заключающимся въ немъ благамъ міръ духовный, міръ мысли, чувства и воли, воспитанныхъ и руководимыхъ исключительно Божественною истиною, заповѣдями Того, Кого съ недоувѣріемъ и даже, быть можетъ, съ насмѣшкой горькой спрашивали—что есть истина. Въ словѣ Божиимъ, въ Св. Евангелии и Апостольскихъ писаніяхъ,—такъ часто людьми забываемыхъ,—все сказано, все необходимое для жизни указано,— именно для жизни, а не для прозябанія, именно для жизни, а не для безцѣнной, хотя и сложной и мятущейся суеты. Вотъ и теперь—гордое всѣми созданіями своего ума человѣчество стоитъ обнаженнымъ отъ всего того, чѣмъ гордилось. Гдѣ наука, смиряющая въ человѣкѣ звѣря, гдѣ гуманность, умятчающая человѣческую совѣсть, гдѣ законы и ихъ сила, руководящая человѣческими отношеніями? Все по-

прано, все осквернено, и главное—все остается бесплоднымъ и не даетъ для чело-
вѣка ни утѣшенія, ни надежды, ни при-
мирения. Сколько труда положено, чтобы
жизнь человѣческую облагородить, сдѣлать
ее и пріятною, и возвышенною и удовле-
творяющею запросы и исканія человѣче-
скаго духа. И все оказалось суетой при
первомъ же серьезномъ испытаніи. А рань-
ше, до этого испытанія—развѣ не тою же
суетой вся современная жизнь со всеми
ея утѣхами казалась для многихъ-мно-
гихъ людей? Все вѣдь знаютъ, какъ уча-
стались—было самоубійства среди людей
разныхъ классовъ и воспитанія. Очевидно,
эпидемія самоубійствъ, бездѣльныхъ, без-
смысленныхъ убійствъ могла появиться
только тамъ, гдѣ жизнь не давала необхо-
димыхъ точекъ опоры, не владала въ руки
матущихся, сомнѣвающихся, страждущихъ
необходимаго оружія для самозащиты. И
страшный выходъ изъ житейскаго лабирин-
та для такихъ лицъ въ самоубійствѣ былъ
неизбѣженъ, ибо эти мятущіеся, сомнѣваю-
щіеся и страждущіе; какъ и все современ-
ное, просвѣщенное человѣчество не слы-
шало уже словъ Господнихъ—*заповѣдь но-
вую даю вамъ, не слышало и Его при-
зыва—приидите ко Мнѣ вси труждающіеся
и обремененніи, не знало, что для жизни
безусловно необходимы три сія—вѣра, на-
дежда и любовь, не знало міра духовнаго,
міра и царства Христова. Начало и ко-
нецъ жизни полагались только тутъ, на
землѣ, теченіе жизни исчерпывалось только
малымъ количествомъ дѣтъ. Вотъ почему
для многихъ и неудачи жизни оказывались
непереносимыми, и дѣятельность жизни не
важною, и не интересною, и не нужною.
Вотъ почему и теперь озвѣрѣвшій образо-
ваннѣйшій народъ, воспитанный только на
началахъ самолюбія и гордости, все почелъ
за ничто, даже то, предъ чѣмъ самъ только
что преклонялся. Что есть истина? Что есть
добро? Что есть правда, законъ, грѣхъ и
ответственность за него? Все—ничто предъ
вскормленнымъ и вспоеннымъ гордостью и*

себялюбіемъ Я. Такъ думали и такъ жили
не одни нѣмцы. А вотъ, когда гроза то
разразилась,—всѣ, кому больно стало, кто
почувствовалъ нужду въ крѣпкой и непо-
колебимой опорѣ и дѣйствительномъ утѣ-
шеніи и примиреніи и съ самимъ собою и
требованіями внутренняго и вѣшняго долга,
всѣ обратились туда, гдѣ ни одна черта
никогда не колебалась и не исчезала, гдѣ
стояла и стоитъ непоколебимо вѣчная
истина, указующая пути правды для жизни
человѣческой.

Не трудно понять теперь, какъ, значить,
высоко то служеніе человѣчеству, которое
все направлено къ одной единой цѣли—
вѣщать міру истину вѣчную, насаждать
правду Божию въ сердцахъ людскихъ и
постоянно и не молчно призывать людей
къ Богу отъ этой земли, отъ этихъ скоро
преходящихъ явленій къ міру духовному—
вѣчному. Величіе и плодотворность пастыр-
скаго служенія, всегда для вдумчивыхъ
людей ясна, особенно ярко освѣщаются
огнемъ испытаній. Въ эти времена, когда
все горитъ, все и погибаетъ, какъ огне-
пальная, но не сгораемая кутина стоитъ
среди саморазрушающагося міра истина
Божественная, Богооткровенное ученіе. Въ
эти времена тяжкихъ потрясеній, когда
никто и нигдѣ не видитъ всеукрѣпляющей
и самонужнѣйшей дѣятельности,—пастыр-
ское служеніе Богу и людямъ на основахъ
Божественной любви, служеніе въ духѣ и
истинѣ и является свѣтымъ утѣшителемъ,
куда взоры всѣхъ страждущихъ съ наде-
ждою направляются. Хранители и сѣтели
истины неизблемой, — пастыри Церкви
Христовой всегда и особенно въ дни миро-
выхъ испытаній и скорбей и должны
дѣломъ и словомъ своимъ сказать міру то
слово и указать то дѣло, которыя одни
только могутъ спасти людей отъ отчаянія
и окончательной гибели. Во дни былые на
Руси Святой, когда она, попираемая вра-
гами,—и половцами съ печенѣгами, и
татарами съ другими иноплеменниками, и поля-
ками съ своими русскими же ворами и

смутьянами, и французами съ двенадцатью языками, видимо для всего міра погибала,—на самомъ же дѣлѣ только очищалась, только собиралась съ своими силами духовными,—и потому окрыляемая и постоянно напаяемая вѣрою Христовою, любовію къ Церкви Божіей, руководимая и постоянно ободряемая своими пастырями, она возставала изъ пепла и развалинь могучею и несокрушимою. Велико и сильно сильное духовъ и убѣжденностію пастырство православное. Пусть и нынѣ, внимая себѣ, своему призванію, оно встанетъ предъ лицомъ народа, укажетъ ему пути истины и воодушевленно поведетъ его среди текущихъ испытаній къ тому предѣлу жизни, гдѣ стоитъ побѣда надъ врагами вѣшними и внутренними, побѣда надъ нѣмцемъ и надъ грѣхомъ, надъ шатаніями мысли, чувствъ и воли, надъ ихъ рабствомъ. Ко Христу, къ Его кресту, къ Его Церкви, къ Его ученію, къ Его таинствамъ, къ жизни по Его заповѣдямъ,—вотъ куда настойчиво да зоветъ насъ пастырство православное, не боясь ни труда, ни лишеній, ни борьбы, ни униженій. Убѣжденное въ величій своего служеніи, въ святости и непреложности проповѣдуемаго ученія,—не своего личнаго, а Христова, Богооткровеннаго, даннаго всѣмъ людямъ и на всѣ времена, какъ спасительная и животворная основа духовной и всякой иной жизни человѣческой, пастырство своею дѣятельностію озаритъ всякую душу и всему современному образованію сообщитъ именно то, безъ чего—свѣтъ—не свѣтъ, жизнь—не жизнь, безъ чего самья, по видимому, дорогія приобрѣтенія человѣческаго ума и труда являются бесплодными для души и даже опасными для жизни. Невольно человѣческой духъ преклоняется предъ совидательною дѣятельностію. Невольно и гордая воля человѣческая смиряется предъ волей, направляемой и направляющей все ко благу, не обманчивому, не показному, а дѣйствительному и вѣчному.

Но для того, чтобы все это совершилось и великія желанія и указанія стали дѣлами, мысль облеклась плотию,—для этого необходимо именно то, о чемъ говорить св. апостола. Необходима непрестанная внимательность къ себѣ, къ своему духовному міру. Необходимо настойчивое упорядочиваніе всего приобрѣтеннаго духовнаго богатства и умѣніе различать и отбрасывать плевелы отъ истиннаго зерна. Соблазновъ всюду очень много. Приходятъ они разными путями и въ различныхъ образахъ. А потому такъ и необходимо мудрость змѣи и кротость голубя. Соблазны для всѣхъ, но преимущественно для тѣхъ, кто призванъ служить Богу духовъ и истиною, служеніе кого часто требуетъ самоотверженія,—даже больше—чемъ служеніе неразрывно связано съ самоотверженіемъ. Съ одной стороны, если возжеланный свѣтъ долженъ свѣтить многимъ и многимъ, то онъ и долженъ быть поставленъ высоко на свѣщницѣ, гдѣ его не только будутъ видѣть, но и разными вѣтрами буйными обвѣвать, на части разрывать, дабы совсѣмъ потушить. Съ другой,—тотъ же свѣтъ потому и истинный, что онъ призывается разсѣять тьму, разогнать призраки, отогнать миражи и болотные огни и проникнуть во всѣ уголки жизни. А тьма не любить свѣта, для многихъ миражи много цѣннѣе, чѣмъ дѣйствительность, ограниченность же людская привязываетъ людей и заставляетъ ихъ оберегать именно то, что по той или другой причинѣ сроднилось или ужъ очень близко подошло къ душѣ. И неизбѣжно возстанетъ тьма на свѣтъ, привыкшіе ходить во тьмѣ и снѣи смертной, усладить свою душу и сердце разными призраками, по влеченіямъ своей природы блуждать вмѣстѣ съ блуждающими огнями, встанутъ во всеоружіи всѣхъ своихъ соблазновъ на носителей свѣта. Кто не знаетъ, какую силу въ нашей жизни имѣютъ предрассудки, привычки? Кто не видитъ каждый день, какъ явленія этого вѣщнаго міра приковываютъ къ себѣ наше внима-

ніе? Кто не наблюдалъ за собой, какъ дѣлается наше грѣховное я за все, чтобы только или оправдать свое бытіе, или просто заглушить призывы другого я. Вѣчная истина слово апостола: не то дѣлаю, что хочу, но именно то, чего не хочу. Отсюда—весь міръ самыхъ тяжелыхъ, самыхъ злыхъ соблазновъ. Наконецъ, Самъ Спаситель міра неоднократно говорилъ о соблазнахъ, которые придутъ въ міръ, неоднократно предупреждалъ благовѣстниковъ Его ученія и посланниковъ своихъ: въ мірѣ скорби будете. Пострадавшій отъ злости и зависти людской Господь и указывалъ, что и для вѣстниковъ и насадителей Его ученія пути жизни будутъ полны скорбей и испытаній.

Еп. Макарій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОНЧИНА СВЯТИТЕЛЯ.

Замѣчательна была кончина и послѣдніе дни жизни приснопамятнаго митрополита Кіевского Флавіана. Наша Церковь въ своемъ богослужебномъ кругѣ, въ такъ называемой просительной ектени, ежедневно молится о ниспосланіи православнымъ христіанамъ: «христіанскія кончины живота нашего безболѣзненны, непостыдны, мирны».—Такова именно и была чистая, праведная кончина владыки Флавіана.

Обыкновенно въ людяхъ съ прямою, правдивостью, искренностью характера соединяется нѣкоторая, хотя бы только внѣшняя, — даже при внутренней добротѣ и мягкости, грубоватость, рѣзкость въ обращеніи. Иначе было у почившаго владыки Флавіана. Съ совершенно исключительною прямою, всегда безъ всякой затаенной задней мысли, у него удивительно сочеталась необычайная деликатность въ отно-

шеніи ко всѣмъ другимъ, особенная сердечная заботливость о нуждахъ и потребностяхъ всѣхъ его окружающихъ, до самаго низшаго служителя величательно. Ярко сказалось это въ послѣдніе дни его болѣзни.

Послѣдніе двѣ недѣли своей жизни почившій архипастырь переносилъ сильныя муки. У него была астма, въ тяжелой степени развивавшаяся на почвѣ истощенія организма послѣ только что перенесеннаго воспаленія легкихъ. Онъ задыхался, ему было страшно трудно говорить и больно дышать. Ложиться въ постель онъ совершенно не могъ—тотчасъ же начиналъ задыхаться, и потому проводилъ все время, — день и ночь, — въ теченіи двухъ недѣль, сидя въ креслѣ. Пищи совсѣмъ не принималъ, немного молока или чаю съ молокомъ, которое заставляли почти насильно принимать врачи. Мучила постоянная боль въ груди и въ боку. И нужно было посмотреть, чтобы понять истинный характеръ владыки Флавіана, съ какими терпѣніемъ, съ такою ангельскою кротостью и смиреніемъ переносилъ онъ свои тяжелыя страданія. Всѣ помыслы, всѣ заботы его были обращены отнюдь не на себя, а на окружающихъ, на прислуживающихъ, чтобы они изъ за него, изъ за его болѣзни не потерпѣли какого-либо безпокойства, особенно ночью. Своихъ страданій онъ не выдавалъ ни единымъ стономъ, ни единымъ звукомъ, стараясь на лицѣ всегда сохранять такъ свойственную ему привѣтливую, ласковую улыбку. Вечеромъ, отправляя прислуживающихъ спать, онъ непременно просилъ и требовалъ, чтобы они ночью, если услышатъ стоны его, не безпокоились, не вставали. Вполнѣ сознавая свое положеніе, онъ неоднократно высказывалъ боязнь, какъ бы часъ кончины не засталъ его ночью «ахъ, надѣлаю тогда я вамъ безпокойства и хлопотъ, — лучше бы умереть днемъ», — и усердно просилъ, если все-таки это случится ночью «не безпокойтесь и не убирать его до

великаго іерарха? Можно ли въ наше время повторить ихъ со всею ободряющею ихъ силою?..

«Но благословенъ *Запрещающій море!* Для васъ (русскихъ людей) еще слышнѣ въ событіяхъ Его гласъ: *до сего дойдемъ и не преидемъ*. Крѣпкая благочестіемъ и самодержавіемъ Россія стоитъ твердо»...

Можно только молиться: Утверди насъ, Господи, на камни заповѣдей Твоихъ, ибо возмущилось страстей море и грозитъ той скалѣ, о которой говорилъ великій Филаретъ...

Архіепископъ Никонъ.

ВНИМАЙТЕ СЕБѢ И СВОЕМУ СТАДУ ¹⁾.

Х.

Окруженные со всѣхъ сторонъ разными вражескими силами и соблазнами, и скорбями пастыри Церкви тѣмъ съ большимъ вниманіемъ должны обратиться къ самимъ себѣ, тѣмъ съ большимъ стараніемъ оберегать все лучшее, все чистое въ своей душѣ и сторониться всего нечистаго, тѣмъ болѣе — всего оскверняющаго. И прежде всего — необходимо спросить себя, чѣмъ питается душа, какіе духовные интересы стоятъ впереди всего. Школа, — всѣ это знаютъ, — всего и на всю жизнь не можетъ дать, какъ бы она хорошо ни была поставлена. Приходится на путяхъ самой жизни собирать нерѣдко по крупицамъ все необходимое для пастырской дѣятельности, руководствуясь, какъ путеводными звѣздами, тѣми указаніями, какія выносятся изъ школы. Вотъ тутъ-то мы и приходимъ обыкновенно къ одному изъ самыхъ большихъ вопросовъ нашей жизни что школа даетъ? А съ другой — что восполняющаго и цѣннаго даетъ жизнь? Всѣ со всѣхъ сторонъ несутъ свои жалобы на школу: она и мертва, она

и не воспитываетъ, она, — даже болѣе, — не даетъ ничего для жизни — ни руководственнаго, ни практическаго. Въ отношеніи къ нашей духовной школѣ нынѣ дошли даже до того, что стали открыто обвинять въ безрелигіозности, въ томъ, что она выпускаетъ изъ своихъ стѣнъ молодыхъ людей — невѣрующими ни во что, тѣмъ болѣе въ свое пастырское служеніе. Отсюда великое множество проектовъ и предложеній — какъ преобразовать духовныя школы, какъ удовлетворить и совмѣстить разнообразныя цѣли, дабы изъ нихъ, школь-выходили люди, способные съ успѣхомъ отвѣчать своею дѣятельностію на всѣ запросы жизни. Не будемъ входить въ оцѣнку и современной намъ духовной школы, и предлагаемыхъ и даже уже проводимыхъ въ жизни разнообразныхъ способовъ *оздоровить* ее. Но спросимъ только тѣхъ, кто особенно укоряетъ наши школы и притомъ въ такихъ тяжелыхъ грѣхахъ, какъ воспитаніе невѣрующаго пастыря церкви, — можетъ ли школа, среди міра живущая, этимъ міромъ питаемая, совсѣмъ оторваться отъ этого міра, не впитать въ себя тѣхъ особенностей его жизни, которыя такъ навязчиво въ жизни выставлялись, какъ нѣчто непреложное? Какъ бы мы не ограждали школы отъ вліяній окружающаго міра, полного огражденія достигнуть невозможно и особой породы людей создать нельзя. Школа — дитя общества. А чѣмъ окружало и окружаетъ школу общество? Во что оно старалось и старается ее обратить? Вѣдь нельзя скрывать отъ себя, что вліятельнѣйшею частію нашего общества и всею совокупностію печати нашей приложены и прилагаются всѣ усилія, чтобы школу въ корни расшатать, всякій авторитетъ въ ней, даже авторитетъ самой науки уничтожить. Даже болѣе — пусть припомнятъ, что дѣлаютъ общество и печать, лишь только замѣтятъ, что школу хотятъ обратить къ *дѣлу*, ввести школьную жизнь въ строго-учебно-воспитательныя рамки и границы? И выходитъ: школу сознательно разру-

¹⁾ Продолженіе. См. № 51 «Церк. Вѣд.».

паютъ и развращаютъ и школу же поносятъ за то, что она разлагается и не даетъ жизни того, что должна давать. Особенно много зла сдѣлала для школы наша и повседневная и иная печать. Наше читающее общество совсѣмъ не хочетъ помнить, что и печатное слово, какъ и многое другое въ нашей жизни, особенно экономической, — взято въ руки самыхъ вѣйшихъ враговъ христіанства и христіанскихъ народовъ. Если существуютъ такъ называемые синдикаты на желѣзо, уголь, хлѣбъ и т. п. предметы, то такіе же синдикаты существуютъ и на печатное слово. Припомнимъ, что не такъ еще давно нельзя было напечатать ни листка, ни газетки, ибо или не позволяли, или типографіи не брались печатать не «прогрессивное». Мы должны твердо установить, что почти вся печать или непосредственно или посредствомъ находится въ рукахъ евреевъ, да не у насъ однихъ, но и во всемъ мірѣ. И вотъ, зная это, мы спрашиваемъ православное пастырство, что оно читаетъ? Какіе журналы, газеты доставляютъ ему духовную пищу? Пусть на это отвѣтитъ каждый пастырь церкви самъ себѣ и самъ за себя. Мы же должны немолчно, неустанно, настойчиво твердить: блюдите, какъ опасно ходите, испытующе времена, дніе бо лукавы. Напрасно себя многие увѣряютъ и въ глазахъ другихъ хотятъ оправдаться, зачитываясь твореніями явно сквернаго содержанія и направленія, что мы, де, люди взрослые сумѣемъ различить, что добро и что зло, а читать, де, все нужно для того, чтобы удобнѣе можно было бороться со зломъ. Напрасно и опасно такъ себя обманывать. Капля за каплей просачивается зловонная влага — мысль въ душу, въ сознаніе людское, незамѣтно подъ влияніемъ непрестанно дѣйствующихъ впечатлѣній создается настроеніе и сердце наполняется опредѣленными чувствами. Это одно. А потомъ — вѣдь дѣти кругомъ: они не только видятъ, что читаютъ взрослые, и слышатъ, о чемъ и что говорятъ подъ влияніемъ прочитаннаго тѣ же взрослые, но и сами чи-

таютъ. А на ихъ молодую душу вліаніе-то, несомнѣнно, идетъ много дальше, чѣмъ у взрослыхъ и опытныхъ въ жизни. Поэтому вполне цѣлесообразно, разумно и именно ради блага пастырства поступаютъ тѣ, кто указываетъ на необходимость исключенія изъ обихода житейскаго пастырей тѣхъ или другихъ газетъ и журналовъ. Нельзя, если только понимаешь, сознательно смотрѣть, какъ выражаются, сквозь пальцы на то, какъ духовная жизнь тѣхъ, кому вручено великое дѣло устроенія многихъ-многихъ людей, засоряется разными несомнѣнными терніями и даже прямо таки отравляется. Внимайте же себѣ, пастыри и учителя церкви, ибо не въ томъ-ли въ лучшемъ случаѣ безразличномъ отношеніи, которое замѣчается до сего времени среди пастырей, къ духовной пищи, которую читается большинство пастырскихъ семействъ, заключается одна изъ причинъ и такого печальнаго явленія, какъ старанія дѣтей духовенства убѣжать отъ великаго и высокаго пастырскаго служенія? Не здѣсь ли коренится причина и того явленія, которое съ такою страстностію иные спѣшатъ обличать и которое дѣйствительно крайне печально и безусловно опасно для всей будущей жизни народа — именно — безрелигіозности питомцевъ духовной школы? Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что вслѣдствіе постояннаго общенія съ тѣмъ кругомъ мыслей и чувствъ, который непрерывно создается печатью извѣстнаго направленія, пастырское служеніе для самихъ пастырей церкви часто кажется только цѣпью страданій, лишеній и униженій. Невольно руки опускаются, говорятъ, среди обступившихъ пастыря церкви со всѣхъ сторонъ терній. Невольно такъ складываются мысли, что человекъ, не пытаясь даже что нибудь сдѣлать для того, чтобы выйти на болѣе освѣщенный путь, ждетъ въ своемъ дѣлѣ освобожденія себя, своего духа изъ оковъ неудовлетворенности только отъ разныхъ вѣйшихъ условій, отъ разныхъ реформъ и, пока этихъ реформъ нѣтъ, приучаетъ себя только къ

тому брожанію, отъ котораго вся наша жизнь превращается въ молчаливый, а иногда и въ открытый протестъ. Этого желаютъ, этого именно и ищутъ мнимые радѣтели блага церковнаго и улучшенія положенія православнаго духовенства.

Мы придаемъ особое значеніе нашей такъ назыв. прогрессивной печати въ дѣлѣ созданія того смутнаго настроенія, которое за послѣднее время все чаще и чаще стало пробиваться наружу въ средѣ православнаго пастырства. Оно слышится на всѣхъ ступеняхъ. Дошло дѣло до того, что иные и изъ высокопоставленныхъ пастырей готовы броситься въ объятія нашихъ либеральныхъ круговъ, готовы отречься съ легкой душой отъ самихъ себя, отъ своихъ прямыхъ обязанностей, готовы, наконецъ, во всеуслышаніе повосить весь строй нашей церковной жизни. Мы далеки отъ мысли утверждать, что, какъ говорится, у насъ все хорошо, что нѣтъ никакой нужды въ тѣхъ или другихъ реформахъ. Но, придавая высокое значеніе личности человѣка, мы спросимъ всѣхъ желающихъ, реформъ и чинящихъ отъ нихъ испѣленія нашей церковной жизни и пастырской дѣятельности отъ обдержавшихъ бѣды и недуговъ,—а что дѣлало и дѣлаетъ пастырство для обновленія своего духа, для оживленія въ себѣ, хотя бы только каждый изъ пастырей для самого себя,—всего того идеальнаго, возвышеннаго, отъ недостатка котораго наша жизнь такъ огрубѣла, приземилась и превратилась только въ борьбу за существованіе? Обратимся къ той же печати. Если большія и малыя наши библиотеки переполняются только свѣтскими журналами и книгами, если для ежедневнаго удовлетворенія своей потребности знать, что дѣлается на свѣтѣ Божіемъ, мы только и читаемъ одну или нѣсколько наиболѣе распространенныхъ лѣвыхъ газетъ,—то позволительно спросить, а знакомы-ли мы съ духовной современной литературой, съ твореніями святоцовъ,—однимъ словомъ, съ тою литературою, которая безусловно необходима для

успѣшнаго прохожденія пастырскаго служенія? Или еще: допустимъ, что такъ и хочется отдаться въ объятія нашего мнимаго либерализма и въ нѣдрахъ его искать живительнаго источника для обновленія нашей религиозно-нравственной и церковной жизни, но опять позволительно спросить такихъ лицъ, очень ужъ скорыхъ на самопожертвованія въ эту сторону,—все-ли сдѣлано ими, хотя бы въ той области и въ той мѣрѣ, какія даются предоставленною имъ властію и отвѣтственными правами,—для того, чтобы и въ себѣ и въ другихъ разбудить спящій духъ, чтобы заставить сослужащихъ вникнуть поглубже въ существо принятыхъ на себя добровольно высокихъ обязанностей? Вѣдь не все-же и не всегда же можно и тѣмъ болѣе должно разсматривать только съ точки зрѣнія правъ. Необходимо помнить и объ обязанностяхъ. И еще. Припоминается намъ слово одного изъ архипастырей—такое: ему въ одной изъ бесѣдъ очень усердно доказывали необходимость созыва собора, указывая на то, что тогда вся жизнь Церкви обновится. Онъ на это отвѣтилъ вопросомъ: а послушаетесь ли вы собора-то? Особенно, если онъ чтонибудь скажетъ на по вашему? Что же мѣшаетъ теперь христіанину-пасомому и пастырю своей христіанскій долгъ исполнить? Собесѣдникъ оказался въ смущеніи. Нашимъ либеральничавшимъ архипастырямъ и пастырямъ прежде всего нужно знать, что противъ ихъ либерализма и противъ того либерализма, которымъ самоукрашаются наши иные круги общества и откуда ожидается свѣтъ,—существуетъ уже и теперь другой либерализмъ, по мнѣнію носителей его—либеральнѣе перваго, а за этимъ послѣднимъ—стоитъ третій и такъ вплоть до того либерализма, который обрѣтается въ рядахъ крайнихъ социалистовъ и безбожниковъ. Этотъ терминъ (либерализмъ), очевидно, очень растяжимый и приложеніемъ его къ жизни въ качествѣ лѣкарства едва ли мы добро сдѣлаемъ.

наши взоры должны обращаться не къ либеральничавшей братіи, а къ другому источнику. Несомнѣнно, всему пастырскому міру извѣстно, что Господь говоритъ о нравственномъ совершенствованіи и гдѣ призываетъ искать и находить источникъ и образъ этого совершенства. *Царство Божіе внутри насъ* и прежде всего нужно его устроить въ себѣ, внутри своего духовнаго бытія. Ищущіе этого царствія тамъ, гдѣ указано Самимъ Господомъ, должны быть и будутъ всегда увѣрены, что все остальное приложится имъ. Кто не знаетъ, что въ какую бы свѣтлую одежду ни одѣвали неряшливаго человѣка,—онъ насколько въ существѣ своемъ ни измѣнится. Какія бы реформы ни производились, мало онѣ помогутъ дѣлу обновленія духовной жизни человѣка, если только въ самомъ человѣкѣ, въ его душѣ не будетъ создана возможность обновленія. Всѣ, нужно думать, знаютъ, что изъ сердца людскаго исходятъ и добрыя и злыя помышленія и дѣла. Вотъ о чистотѣ-то этого сердца и нужно болѣе всего заботиться. Ее во главу дѣла нужно и полагать. Усиленнымъ вниманіемъ къ самому себѣ, ко всему, тѣмъ живеть нашъ духъ, чѣмъ переполняется сердце наше, о чемъ говорить намъ наша совѣсть, и можно и должно всѣмъ людямъ, тѣмъ болѣе пастырямъ самихъ себя воспитывать и на дѣланіе своего дѣла пріуготовлять. Такой путь можно избирать всегда и тѣмъ болѣе теперь, когда истиннѣ дни лукавы и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшающіе всю нашу будущность.

Пастырское служеніе по самому существу своему—служеніе духовное и потому отличается всѣми особенностями, свойственными духовной природѣ человѣка. И прежде всего,—какими внѣшними условіями, какъ бы они ни были многочисленны,—возможно установить не только качество, но и количество духовнаго дѣланія? Кто и когда однимъ только внѣшнимъ воздѣйствіемъ смогъ возбудить восторгъ предъ подвигомъ раскаянія и тѣмъ болѣе самый

этотъ подвигъ? Кто и какими уловимыми внѣшними средствами можетъ использовать свободу духа въ намѣченныхъ цѣляхъ? Не дано стороннему человѣку власти надъ совѣстію, надъ мыслями, надъ чувствами другого человѣка, если они только не проявляются во-внѣ. А отъ этихъ незримыхъ и только находящихся во власти владѣющихъ ими движеній сердца, ума и воли зависитъ весь характеръ духовнаго служенія. Всѣ знаютъ: можно быть внѣшне исполнительнымъ, но безъ души; можно быть въ глазахъ наблюдающихъ преданнымъ дѣлу, но не безъ лести.

Пастырское служеніе вмѣстѣ съ тѣмъ есть служеніе на благо другой душѣ. Область такого служенія не можетъ быть очерчена какими-либо опредѣленными границами. Средства такого служенія только въ самой ограниченной формѣ могутъ быть указаны со стороны. Каждый человѣкъ—особый и притомъ великій и подвижный міръ. Если же мы къ этому присоединимъ слабое знакомство человѣка со своей духовной природой, съ законами жизни ума, сердца и воли, то мы легко поймемъ, какъ должны быть слабосильны всѣ внѣшнія правила и указанія для духовнаго дѣланія на пользу тоже духовную другихъ людей. Вотъ почему только люди, привыкшіе къ самонаблюденію, сравнительно легко понимаютъ движенія души другихъ людей и точно также сравнительно удачно и цѣлесообразно предпринимаютъ то или другое воздѣйствіе на эти души. Извѣстенъ трудъ воспитателей и учителей. А трудъ пастырскій еще сложнѣе и многограннѣе.

Наконецъ, если можно такъ выразиться,—пастырское служеніе несоизмѣримо нѣжнѣе и интимнѣе другихъ служеній. Будетъ грубо, но все-таки возможно сравнить дѣйствіе духа человѣческаго въ этомъ служеніи съ дѣйствованіемъ какой-либо сложной и тонко оборудованной машины: достаточно какому-либо самому незначительному стороннему предмету или

просто нечистотѣ какой-либо попасть въ сложную паутину колесъ и колесиковъ этой машины, чтобы она испортилась и перестала дѣлать то, что она должна дѣлать. Еще нагляднѣе: достаточно небольшому сгустку крови изъ кровеносныхъ сосудовъ попасть въ сердце, чтобы оно остановилось и смерть наступила. То же бываетъ и съ сложнымъ служеніемъ духовнымъ. Стоитъ только засориться разными вліяніями, разными взглядами, внушеніями уму и сердцу труждающихся на столь нѣжной нивѣ, какъ спасеніе душъ, какъ это послѣднее быстро приобретаетъ совершенно несвойственный характеръ и перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ должно быть. Вотъ почему пастырямъ необходимо всемѣрно и старательно оберегать свою душу отъ всего тлетворнаго, разлагающаго, отъ всего ложнаго и въ существѣ своемъ противнаго существу пастырскаго служенія.

Всегда, особенно же въ наши дни, когда взоры многихъ обращены къ Церкви, къ ученію Христову, какъ единственно спасительнымъ прибѣжищу и источнику спасенія,—православному духовенству необходимо вмѣсто источниковъ мутныхъ и помутненныхъ лживыхъ, каковыми является въ большинствѣ современная литература и современные писатели, искать для себя вдохновенія прежде всего и больше всего, кромѣ Св. Писанія и свято-отеческихъ твореній, въ нашемъ богослуженіи и въ книгахъ богослужебныхъ. Опытъ жизни намъ говорить, что мы страдаемъ именно малымъ знакомствомъ съ содержаніемъ православнаго богослуженія. Между тѣмъ, какой неизсякаемый источникъ Богопознанія и познанія души человѣческой заключается въ повседневныхъ и праздничныхъ пѣнопѣніяхъ. Для религиозно настроеннаго человѣка одни стихиры и ирмосы съ тропарями и кондаками способны дать самый широкій просторъ для Богомыслия, утѣшенія, для укрѣпленія надежды, для возгрѣванія любви къ Богу и людямъ. Нерѣдко въ настоящее время приходится слы-

шать, что проповѣди современные носятъ почти исключительно свѣтскій характеръ, особенно по своему стилю, по источникамъ изъ которыхъ черпаются наставленія, разъясненія. И намъ думается, что такое явленіе, несомнѣнно существующее, неизбежно именно вслѣдствіе слабаго нашего знакомства съ богослужебными пѣнопѣніями. Но кромѣ того, что постоянное, а не въ церкви только, общеніе съ этими пѣнопѣніями даетъ богатый матеріалъ духовной пищи человѣка,—оно же само собою приводитъ и къ тому, что всякое богослуженіе, и частное и общественное, будетъ совершаться съ должнымъ пониманіемъ и внимательностію. А въ этомъ нужда великая: трудно ожидать отъ человѣка, живущаго исключительно духомъ, такъ сказать, свѣтскимъ, приучившаго себя къ легкой, чаще всего вульгарной рѣчи, къ тому складу мыслей, который болѣе всего господствуетъ въ свѣтской печати,—трудно ожидать, чтобы онъ молитвословія, которыя приходится произносить или прочитывать во время богослуженія, произносилъ съ должнымъ благоговѣніемъ, надлежащею внимательностію и неторопливостію. Постоянная забота, иногда излишняя и чрезмѣрная, о кускѣ хлѣба, стремленіе возможно больше времени посвящать именно этому вопросу жизни, въ связи съ вышеуказанною причиною и приводятъ къ тому, что богослуженіе совершается крайне торопливо, безъ благоговѣнія и, слѣдовательно, безъ надлежащаго вліянія какъ на совершающаго, такъ и на молящихся. Останавливаемъ вниманіе на этой сторонѣ пастырской жизнедѣятельности главнымъ образомъ потому, что мы привыкли смотрѣть на нее, какъ на одну изъ частныхъ, едва ли даже особенно важныхъ. Мы слышимъ ежедневные разговоры и видимъ рѣзкія даже выступленія по вопросамъ о реформахъ въ церкви, о правахъ тѣхъ или другихъ членовъ пастырства и постепенно, кажется, уже приучились къ мысли, что только въ этихъ реформахъ кроется всеи желаемое

искомое обновленіе пастырской жизни и дѣятельности; но, къ сожалѣнію, не слышимъ призывовъ обратиться къ тѣмъ источникамъ оздоровленія и расширенія дѣятельности пастырской, которые больше чѣмъ какіе либо другіе способны обновить духъ пастырства и придать ему необходимую силу религиозно-нравственнаго вліянія. Въ этомъ устраненіи взоровъ всѣхъ ищущихъ обновленія духовной, церковной, приходской, религиозно-нравственной жизни и пастырей и пасомыхъ отъ дѣйствительныхъ источниковъ истинной духовной жизни мы видимъ опять-таки неизбѣжное слѣдствіе всего того духовнаго нашего строя, который выросъ у насъ подъ исключительнымъ вліяніемъ свѣтской вообще и въ частности такъ называемой лѣвой печати. Прирученные быстро, съ сокращеніями и безъ вниманія совершать богослуженіе, привыкшіе къ тому, чтобы ради, какъ говорится, формы посѣщать богослуженія, нерѣдко только концы ихъ,—что могутъ такіе люди, и пастыри, и пасомые, иное совѣтовать и даже требовать для обновленія пастырской дѣятельности и всей церковной жизни, какъ не увеличеніе только правъ и не улучшеніе внѣшней обстановки для дѣятельности?

Вниманіе къ своему духовному житію, вниманіе усердное, воспитывая волю въ опредѣленномъ направленіи, создастъ пастырю Церкви полную возможность бороться со многими изъ тѣхъ недостатковъ нашей религиозно-нравственной жизни, которые никакими внѣшними воздѣйствіями нельзя устранить, указать пути нравственнаго воздѣйствія на пасомыхъ и дать силу для побѣдоносной борьбы съ своими недостатками. И мы убѣждены, что пастырская дѣятельность дѣйствительно обновится, возвысится,—и прежде всего въ глазахъ самихъ носителей сана и служителей Церкви,—и явить много плодотворнаго, если только, слѣдуя слову Апостола, пастыри будутъ прежде всего особенно внимательно относиться къ своей духовной жизни. Жаждетъ душа вѣдній изъ міра

высшаго, просить сердце утѣшеній изъ міра идеальнаго, возвышеннаго Божественнаго. Пусть же умъ и сердце строителей жизни духовной на землѣ направляются неослабно въ эти міры и въ нихъ черпаютъ для себя вдохновеніе, ободреніе и поддержку въ нелегкомъ и отвѣтственномъ служеніи алчущихъ и жаждущихъ правды Божіей на землѣ.

Епископъ Макарій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Постановка вопроса о чистилищѣ и индульгенціяхъ у современнаго католическаго полемиста¹⁾.

Защитѣ индульгенцій г. Забужный даетъ форму діалога между православнымъ крестьяниномъ Григоріемъ и католикомъ Яномъ. Конечно Янъ разбиваетъ своего противника на всѣхъ пунктахъ и ученіе объ индульгенціяхъ торжествуетъ по всей линіи. Методъ, посредствомъ котораго достигается такой блестящій результатъ,— тотъ же самый, что и въ вопросѣ о чистилищѣ. И здѣсь г. Забужный какъ бы стѣсняется изложить католическое ученіе во всей его ясности и опредѣленности, а усиленно пытается вдвинуть католическое ученіе объ индульгенціяхъ въ рамки православнаго ученія объ эпитиміяхъ. «Отпусты, говоритъ онъ,—это послабленіе или снисхожденіе, оказываемое Церковью кающимся грѣшникамъ, въ сокращеніи имъ церковной эпитиміи, не только вслѣдствіе личныхъ заслугъ кающихся, но и по заслугамъ святыхъ». И вотъ, исходя изъ такого опредѣленія, г. Забужный и доказываетъ, что сокращеніе церковныхъ эпитимій есть и въ православной Церкви и

¹⁾ Окончаніе. См. № 51 «Церк. Вѣд.».